

05,3

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ„Театръ
и
Искусство“.Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ
Моховая, 45.Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1903 г. VII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 Февраля.

СОДЕРЖАНІЕ: Участіе городского управления въ попечительствахъ. — Репертуарный совѣтъ. — Разговоры о «На днѣ». С. Сутулкина. — Новая женщина. (Продолженіе). Вл. Линскаго. — Музыкальныя замѣтки. П. Шенка. — Хроника театра и искусства. — Письма въ редакцію. — Неизланный разсказъ. А. Н. Островскаго. (Окончаніе). — Письма изъ Кіева. Н. Николаева. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

Р и с у н к и: «Балъ художниковъ» (2 рис. С. Павлова), «Приключеніе», «Въ огнѣ», «Обозрѣніе»

№ 9.

(2 рис.), Г. Дальскій-Незлобинъ (шаржъ), «Голось крови».

Портреты: И. А. Булдина, О. А. Петрова, М. М. Петипа, г-жи Моравской.

Библиотека театра и искусства: кн. IV: «Жизнь треклятая», пов. М. Любимова (прод.). — «Режиссеръ». К. Галемина (прод.). — «По ту сторону кулисъ». В. Далматова (прод.). — «Н. А. Некрасовъ» С. Сутулкина (окончаніе). — «Великое свѣтило» (Das grosse Licht), пьеса въ 4 дѣйств. Ф. Филиппи, перес. О. Петровской.

Продолжается подписка на 1903 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(VII годъ изданія).

Подписная цѣна 7 р. годъ. 4 р. полгода.

* Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ:
3 р. при подпискѣ и по 2 р. 1 апрѣля и 1 июня.

Адресъ главной конторы:

С.-Петербургъ, Моховая, 45.

За перемѣну адреса городск. на иногор. и иногор. на городск. уплачивается 60 коп., за перемѣну городск. на городск. и иногор. на иногор.—25 коп. Необходимо прилагать старыя бандероли или указывать ихъ №№.

С.-Петербургъ, 23 февраля 1903 г.

Въ газетахъ промелькнуло сообщеніе о томъ, что министерство финансовъ, въ отвѣтъ на ходатайство томскаго и нижегородскаго городскихъ комитетовъ попечительства о народной трезвости, увѣдомило, что „по ближайшемъ обсужденіи этихъ ходатайствъ“, оно пришло къ заключенію о желательности организовать попечительства о народной трезвости „при ближайшемъ и непосредственномъ участіи мѣстнаго городского управления“. Возможность осуществленія этого предположенія, по мнѣнію товарища министра финансовъ, кн. Оболенскаго, тѣмъ болѣе „вѣроятна, что городское управленіе въ своихъ заботахъ о городскомъ населеніи должно быть вполне освѣдомлено о необходимыхъ мѣропріятіяхъ для насажденія трезвости въ городскомъ рабочемъ населеніи и имѣть въ этомъ отношеніи пользоваться нѣкоторымъ опытомъ въ виду предпринимаемыхъ городомъ народно-

образовательныхъ мѣръ“. Въ виду этого предварительно разрѣшенія возбужденнаго вопроса товарища министра просить губернскіе комитеты „обсудить вопросъ о томъ, не представляется ли, по мѣстнымъ условіямъ возможнымъ, не учреждая городского комитета, передать дѣло попеченія о народной трезвости въ непосредственное вѣдѣніе мѣстнаго городского управления“. При этомъ на расходы по предпріятіямъ города въ этомъ направленіи могли бы быть выдаваемы „нѣкоторыя изъ казны субсидіи“, причемъ губернскому комитету предполагается предоставить „лишь общій надзоръ за употребленіемъ этой субсидіи по ея назначенію“. Томскій и нижегородскій комитеты признали осуществленіе этого предположенія не только возможнымъ, но и желательнымъ и просили городскихъ головъ внести вопросъ объ этомъ на разсмотрѣніе городскихъ думъ.

Рѣшеніе министерства финансовъ нельзя не признать страдали и отъ случайности своего состава, и отъ неопредѣленности своего положенія. У насъ былъ помѣщенъ какъ-то проектъ учрежденія особаго бюрократическаго органа, на обязанности котораго лежало бы выполненіе задачъ попечительства. Какъ ни мало существованіе такого органа соответствовало мысли министерства финансовъ объ учрежденіи коллегіальныхъ попечительствъ изъ среды наиболѣе авторитетныхъ и компетентныхъ представителей мѣстнаго управленія, нельзя было не согласиться съ авторомъ проекта, что бюрократическая „амальгама“ попечительствъ обѣщала мало успѣха дѣлу.

Передача задачъ попечительствъ въ руки общественныхъ управленій представляетъ выгоды разнаго рода. Во-первыхъ, чисто финансовую. „Нѣкоторая субсидія“ думамъ и земствамъ вполне могла бы замѣнить значительныя ассигновки попечитель-

Иллюстрация: Т. М. Сутулкина
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ствамъ. Во-вторыхъ, дѣятельность попечительствъ во многомъ совпадаетъ или соприкасается съ дѣятельностью думъ и земствъ, между тѣмъ шла совершенно параллельно, и независимо отъ послѣдней.

Обратимся къ частному, особенно насъ интересующему вопросу — объ устройствѣ театральныя представленія. Благодаря параллельнымъ заботамъ о театрѣ со стороны думъ и попечительствъ,—первая считали заботу о народѣ и спектакляхъ для народа совершенно съ себя сложенной, и руководствуясь этимъ взглядомъ, сдавали нерѣдко городскіе театры подъ такого рода представленія, которыя не были по средствамъ главному контингенту плательщиковъ городскихъ налоговъ, и ничего не говорили ни уму ихъ, ни сердцу. Возникла цѣлая теорія о томъ, что „городской театр“ есть учрежденіе для высшихъ, культурныхъ слоевъ, нѣкоторый „храмъ искусства“ для избранныхъ, причемъ подъ „храмомъ“ обычно разумѣлась опера или оперетка.

Далѣе, въ виду конкуренціи театра попечительства, антрепренеръ, снявъ городской театр, первымъ долгомъ считалъ обезопасить себя отъ конкуренціи „попечительскаго“ театра, и добившись сдачи ему второго театра, спустя рукава, ставилъ тамъ нѣсколько спектаклей, имѣя въ виду, не самое дѣло, а лишь уничтоженіе конкуренціи. Во всякомъ случаѣ, было уже то неудобство, что въ провинціальномъ городѣ существовало два, для общественной пользы предназначенныхъ, театра, которые зависѣли отъ разныхъ хозяевъ, между тѣмъ какъ въ рукахъ думы, располагающей субсидіею для попечительскаго театра и своимъ собственнымъ театромъ, представляется полная возможность нормально и правильно регулировать дѣло и сдать театры, на выгодныхъ для населенія условіяхъ.

Было бы долго вычислять вредъ, являвшійся результатомъ дробленія театральнаго хозяйства. Напримѣръ, рядомъ съ попечительствомъ, дѣйствовало нерѣдко частное общество, получавшее субсидію отъ думы и т. п.

Централизация театральнаго хозяйства въ рукахъ думъ, при наличности хотя бы „нѣкоторой субсидіи“, дала бы возможность поставить дѣло вполне рационально, ожививъ театры попечительствъ, въ большинствѣ случаевъ, влачащія жалкое существованіе, разъ на лицо имѣется городской театр, — и при томъ, безъ ущерба для антрепризы, варьируя репертуаръ и избѣгая, какъ наблюдается иногда теперь, отступленія театровъ отъ свойственныхъ имъ задачъ.

Говорятъ, что при Александринскомъ театрѣ предполагается учредить „репертуарный совѣтъ“ изъ актеровъ и режиссеровъ, на подобіе московскаго, при Маломъ театрѣ. Разница между Петербургомъ и Москвою, вообще, большая: на нее еще въ „Свисткѣ“ „Современника“ имѣются существенныя указанія. Но самая существенная разница, все-таки, заключается въ томъ, что въ Петербургѣ есть должность „управляющаго репертуаромъ“. Съ учрежденіемъ „репертуарнаго совѣта“ водворится въ Александринскомъ театрѣ весьма назидательная система безотвѣтственности: режиссерской, — вслѣдствіе существованія многихъ режиссеровъ, и репертуарной, вслѣдствіе учрежденія репертуарнаго совѣта.

„Двѣнадцатиглавый совѣтъ“ московскаго Малаго театра дѣйствуетъ, какъ говорятъ, довольно исправно. Не менѣе исправно дѣйствуетъ организація „Comédie Française“. Многое, несладкое на видъ и громоздкое по формамъ, работаетъ хорошо, благодаря исторической привычкѣ и постепенности образованія. Такъ, сложилась и система мѣстнаго управленія въ Англии, не отличающаяся видимою гармо-

ніею формъ. Московскій „совѣтъ“, какъ и, вообще, вся дружная организація труппы московскаго Малаго театра, налаживалась долгое время. Само собою вышло, что труппа Малаго театра получила, безъ всякихъ статутовъ, характеръ почти самоуправляющагося учрежденія. Быть можетъ, въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину нѣкотораго непотизма труппы, нѣкоторой ея неподвижности. Но въ этомъ же ея сила—въ однородности, въ связанности, въ силѣ и долговременности узъ. Совѣтъ другое—въ Александринскомъ театрѣ, который являлъ собою арену борющихся интересовъ и быстрой смѣны началъ управленія. Здѣсь не могло сложиться „дружество“, нѣтъ почвы для единомышленія, и нѣтъ прошлаго для солидарности. „Репертуарный совѣтъ“, можно думать, еще болѣе узаконить, подтвердить и усилить ту пестроту, черезполосицу и случайность репертуара, которыя всегда составляли слабое мѣсто Александринскаго театра, и совѣтъ уже неясна для насъ роль „управляющаго репертуаромъ“. Очевидно, онъ превратился не то въ секретаря, не то въ презуса, qui regne, mais ne gouverne pas..

Лѣтопись столкновеній провинціальной антрепризы съ печатью далеко не полна. Такъ, въ полученномъ нами № „Сѣвернаго Края“, издающагося въ Ярославлѣ, изъ обзора театральнаго сезона усматриваемъ что былъ случай отказа—„педоразумѣнія“ отъ редакціоннаго мѣста также и со стороны г. Каширина.

„Эти факты пишетъ газета,—свидѣтельствуютъ о глубокомъ разложеніи общественныхъ инстинктовъ, какъ у самихъ предпринимателей театральныя дѣла, такъ и въ плохомъ пониманіи нашимъ городскимъ управленіемъ роли прессы, которая нисколько не гарантирована отъ самоуправства и усмотрѣнія антрепренеровъ. Нѣтъ, гг. антрепренеры, пресса должна пользоваться по праву постояннымъ мѣстомъ, отъ васъ не зависящимъ, ибо она стоитъ такъ же на стражѣ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ общества, какъ и представители другого рода порядка, которымъ гг. антрепренеры обязаны давать мѣста.“

На учрежденіе стипендіи имени В. Р. Шемаева поступило:
отъ Я. А. Стальской 2 р.
„ Ив. Ив. Ковдратова . . . 1 „
„ Ек. Славной 1 „

А всего съ прежде поступившими 4 р.
254 р.

Разговоры о „На днѣ“.

Лука. Не въ словѣ—дѣло, а—почему слово говорится?—вотъ въ чемъ дѣло!

(«На днѣ», III дѣйствіе).

I.

— Вы, конечно, въ восторгѣ отъ «На днѣ»?
— Нравится, очень. Вамъ развѣ не понравилось?
— Скучнѣйшая пьеса. Я съ трудомъ осилилъ два акта. Никакого одушевленія; тянетъ, тянетъ авторъ что-то зачѣмъ-то, откуда-то куда-то. Драмы и въ поминѣ нѣтъ. Ни дѣйствія, ни движенія.

— А я пять разъ прочелъ пьесу, и всякій разъ съ глубокимъ интересомъ, рѣдкое литературное произведеніе такъ сильно затронуло меня.

— Удивляюсь! Что же тамъ есть по вашему? Что вы нашли тамъ? Неужели это вообще—пьеса?

— Да, это не драма. Но авторъ и не называетъ ее драмой. На оберткѣ даже напечатано не «картины въ столькихъ-то актахъ», какъ обыкновенно это дѣлаютъ, когда затрудняются подвести свое драматическое произведеніе подъ какую-либо опредѣленную категорію, а просто: «Картины. Четыре акта». Не приставайте, молъ. Отвяжитесь съ вашими требованіями изъ теоріи словесности. Не

пьеса, а картины. Почему, въ самомъ дѣлѣ, картины не могутъ быть рисуемы посредствомъ діалоговъ? И почему не ставить на сценѣ картинъ тѣхъ авторовъ, которыхъ публика съ интересомъ читаетъ и смотритъ?

— Это лишь игра словъ — «картины ли въ четырехъ актахъ» или «Картины. Четыре акта». Актъ все-таки значитъ — дѣйствіе. А дѣйствія въ «На днѣ» нѣтъ. «Картины въ четырехъ бездѣйствіяхъ».

— И тутъ я съ вами согласенъ лишь отчасти. Условимся, что надо подразумевать подъ словомъ «дѣйствіе». А. Р. Кугель опредѣлили дѣйствіе «какъ причинную связь въ жизненномъ ея воплощеніи и выраженіи». Въ той-же статьѣ сказано, что «искусство—вообще, театральное же въ особенности и въ частности, есть процессъ, начинающійся въ душѣ художника и продолжающійся въ душѣ зрителя и слушателя» *). Такимъ образомъ, если-бы оказалось, что жизнь героевъ «На днѣ» задѣваетъ, интересуется или раздражаетъ зрителя-читателя, то развѣ не дѣйствіе: волненіе, раздраженіе, жизнь? Театръ долженъ волновать, заинтересовывать зрителя, «продолжить въ его душѣ процессъ, начавшійся въ душѣ художника», а достигаетъ ли этого художникъ тѣмъ, что заставляеть зрителя принимать участіе въ перипетіяхъ судьбы дѣйствующихъ лицъ или другимъ способомъ — не все ли равно?

— Какимъ же такимъ новымъ способомъ достигается этого, по вашему, Горькій? И почему новымъ авторамъ оказался непригоденъ старый способъ—дѣйствія по причинѣ? Что это за странное «дѣйствіе безъ причинъ?».

— Позвольте раньше отвѣтить на второй вопросъ: почему новые авторы (я буду говорить только о Горькомъ и Чеховѣ) пренебрегли дѣйствіемъ, причиннымъ дѣйствіемъ. Мнѣ кажется это происходитъ по тому же самому, почему въ послѣднее время всѣ болѣе или менѣе талантливые беллетристы пишутъ (по крайней мѣрѣ у насъ), коротенькія повѣсти, рассказы, очерки, эскизы и проч., а не пишутъ большихъ романовъ. Чехова, какъ знаете, неоднократно упрекали въ отсутствіи опредѣленнаго міровоззрѣнія. Это было правдой и вмѣстѣ съ тѣмъ это было несправедливо. Упрекать было не за что. Я не виноватъ, если у меня нѣтъ опредѣленнаго міровоззрѣнія — во первыхъ, а вторыхъ: развѣ у Гоголя или Толстого, (когда онъ писалъ свои большіе романы) было «опредѣленное міровоззрѣніе»? Вы скажете: да, было. Но, если и

было, то такое, отъ котораго они потомъ покаянно и торжественно отказались. Значитъ, если оно и было опредѣленнымъ, то, во всякомъ случаѣ, недостаточно

«Спесь». (Художникъ Стеллецкій).

БАЛЬ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

«Туарегъ». (Художникъ Крамаренко).
(Рис. С. Пакова).

крѣпкимъ. Но и разница между Чеховымъ, на примѣръ, и ними — въ этомъ смыслѣ—окажется лишь та, что они—Толстой и Гоголь—въ то время не подвергали своего міросозерцанія сомнѣнію, Чеховъ же и вообще позднѣйшіе писатели относятся сами къ своему міровоззрѣнію всегда съ извѣстнымъ—въ большей или меньшей степени—скептицизмомъ. Они откровенно говорятъ читателю: я не знаю, вѣренъ ли мой путь, но вотъ что, идя по этому пути, я вижу. Скептицизмъ, осторожность повлекли за собой и мелкій шагъ, и остановки на мелочахъ. Стали описывать не цѣлую жизнь, а кусочки ея. Внимательно разглядывать каждое отдѣльное явленіе, да и то не беря на себя смѣлости опредѣлить всю причинную связь его, а лишь ее изслѣдовать.

Внутреннюю же причинную связь всякаго явленія мы всего лучше «подглядываемъ у природы», расчленивъ его, останавливая свое вниманіе именно на тончайшихъ мелочахъ.

— Это все не объясняетъ, почему такъ не возлюбили ваши «новѣйшіе» писатели дѣйствія?

— А не возлюбили они дѣйствія... нѣтъ, не возлюбили дѣйствіе, а перестали удѣлять ему столько вниманія, сколько это дѣлалось раньше, вѣроятно, не по одной, а нѣсколькимъ причинамъ. Когда разглядываешь предметъ—особенно-же, когда онъ мелкій—то это легче сдѣлать тогда, когда этотъ предметъ стоитъ, а не движется. Затѣмъ: перестали

*) «Театръ и Искусство» № 7, 1903 г.

преклоняться передъ событіемъ, передъ фактомъ. Въ огромномъ количествѣ фактовъ увидели только внѣшнюю, *несущественную* перемѣну. Не все-ли равно, женился-ли Ивановъ на любимой дѣвушкѣ, или не женился, когда и въ томъ, и другомъ случаѣ онъ одинаково будетъ несчастенъ? Ибо причина несчастія лежитъ не во внѣшнихъ событіяхъ его жизни, а гдѣ-то глубже.

Вы помните графа Толстого «Не дѣлай». Мнѣ иногда представляется, что «новѣйшіе» писатели — какъ вы ихъ не очень дружески называете — всѣ прониклись мыслью этой статьи. Разъ ты несчастенъ — остановись, не дѣлай. Подумай раньше о томъ, куда тебѣ надо пойти. Не дѣлай, потому что и дѣятельность есть опьянение, способное заглушить внутренній твой голосъ — единственный руководитель твой въ жизни. Только онъ одинъ способенъ привести тебя къ счастью — и если ты его заглушаешь чѣмъ-бы то ни было — а можетъ быть хуже всего, шумомъ собственной дѣятельности, то ты, навѣрно придешь къ несчастью.

И вотъ они — писатели — не торопятся съ дѣломъ, съ дѣйствіемъ, и вдумчиво слѣдятъ за героями, преимущественно такими, которые оказались «внѣ жизненнаго водоворота», «жизненнаго колеса», которые выброшены, вывалились или изломаны этими колесами, и очутились на днѣ, куда не доходятъ спицы колеса и — слѣдовательно они и внѣ причинной жизненной связи.

— Прекрасно-съ. Но что-же въ этихъ герояхъ занимательнаго?

— О, много! До чрезвычайности много! Есть какой-то рассказъ, будто купецъ, которому нѣсколько лѣтъ подъ рядъ постоянно не везло, остался, наконецъ, «безъ ничего», такъ что всего его имущества только и осталось, что платье, которое на немъ было. Лѣто, жарко. Пошелъ бѣднякъ купаться. Вышелъ изъ воды, но оказалось, что воры утащили его платье. И тогда голый купецъ началъ радостно плясать. Думали: съума сошелъ. «Нѣтъ, говоритъ, съ радости я пляшу, теперь я уже ничего не могу потерять и, слѣдовательно, могу наживать». Такъ какъ рассказы — сказки всегда добрые, то повѣствуется далѣе, что съ того времени сталъ купецъ поправляться, а потомъ и разбогатѣлъ. Все слиняло «на днѣ» и тамъ тоже «одинъ голый человекъ» остался. Такіе, значитъ, которымъ терять нечего. Большую это даетъ свободу и серьезность человѣку. Высокую степень серьезности. Ибо въ серьезности важна ея степень. А то, вѣдь, и гимназисточки любятъ говорить другъ другу: «я тебѣ говорю серьезно: ну, давай говорить серьезно». Кирсановъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» тоже принесъ отцу «серьезную» книжку — Бюхнера.

При «Отцахъ и Дѣтяхъ» вспоминается «нигилистъ». Это слово тогда быстро привилось и даже перекочевало за границу, какъ специальное русское производство, хотя слово-то иностранное. Но этотъ дворянскій нигилизмъ былъ ничѣмъ передъ нигилизмомъ героевъ «На днѣ». Кстати, онъ тамъ выражается русскимъ словомъ «ничего!», частое употребленіе и своеобразное значеніе коего въ устахъ народа иностранцы уже замѣтили — выучиваютъ его поэтоу первымъ.

«Nitschewo!» Итакъ: не нигилизмъ, а «ничего!» во всевозможныхъ интонаціяхъ.

Смотрите: я сдѣлалъ выписки:

Умирающая Анна жалуется: «Тяжело мнѣ... видно скоро ужъ... Мужъ утѣшаетъ: *ничего...* можетъ — встанешь... бываетъ.

Алешка. (20-ти лѣтній подмастерье). А я такой человекъ, что... *ничего не желаю!* Ничего не хочу и — шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я — *ничего не хочу.*

...А я пойду... пойду лягу средь улицы — зови меня! Я — *ничего не желаю!*

Анна (при смерти). Не помню, когда я сыта была... Надъ каждымъ кускомъ хлѣба тряслась... Всю жизнь мою дрожала... Мучилась... какъ бы больше другою не състь... Всю жизнь въ отрепьяхъ ходила... всю мою несчастную жизнь... За что? Лука. Эхъ ты, дѣтенька! Устала? *Ничего!*

Анна. Все думаю я: Господи! Неужто и на томъ свѣтѣ мука мнѣ назначена? Неужто и тамъ?

Лука. Ничего не будетъ! Лежи, знай! *Ничего!* Отдохнешь тамъ... и пр.

Анна. Дѣдушка! Говори со мной, милый... Точно мнѣ... Лука. Это *ничего!* Это передъ смертью, голубка. *Ничего,* милая!.. Ты надѣйся... Вотъ, значитъ, помрешь и будетъ тебѣ спокойно..

Анна. А какъ тамъ — тоже мука? Лука. *Ничего не будетъ! Ничего!* Ты — вѣры! Спокой и — больше *ничего!*. Ничего не будетъ! Ты — вѣры!.. Ничего тамъ не будетъ!.. Просто..

Сатинъ. Фата-моргана. Навралъ тебѣ старикъ... Ничего нѣтъ! Нѣтъ городовъ, нѣтъ людей... *ничего нѣтъ!*

Лука. А вы — погодите! Вы — не мѣшайте! Рассказывай, дѣвушка, *ничего!*.. Уйдемъ, милая! *ничего!*.. не сердись!

Сатинъ. Я тебѣ дамъ совѣтъ: *ничего не дѣлай!* Просто обременяй землю!

Баронъ. Ничего нѣтъ, сэръ?
Актеръ. Да! Ничего!

Настя. Не было каретъ! Не было дѣда! Ничего не было!

Сатинъ. Привыкаешь къ намъ?
Клещъ. *Ничего!*.. Вездѣ — люди. Сначала — не видишь этого... потомъ — поглядишь, окажется, всѣ люди... *ничего!*

Это «ничего» — глубоко-національное, бытовое. Замѣтьте, сколь разнообразно его употребленіе. Существенная часть «философіи» Луки въ этомъ «ничего»,

— Кстати о Лукѣ. *Ничего* я въ немъ особеннаго не вижу. Сравниваютъ его съ Акимомъ изъ «Власти тьмы». Я не безусловный поклонникъ Акимовской морали, но все-же ставить на одну доску мелкаго плута Луку и сильнаго духомъ Акима — просто смѣшно.

— Ну, нѣтъ. Не говорите. Въ журналѣ «Искра» я видѣлъ картинку. Пашутъ однимъ плугомъ Толстой и Горькій. Наверху написано «на литературной нивѣ», а внизу «какъ посѣяли Акима, а выросъ Лука».

Плодъ дѣйствительно странный — по внѣшнему виду совершенно не похожій на сѣмя. Но вѣдь и колосъ не похожъ на зерно. А подоплека у нихъ — у Акима и Луки — безусловно сходственная, ежели и не та-же самая. Чтò въ томъ, что Акимъ все говоритъ о Богѣ и о правдѣ, а Лука почти отрицаетъ перваго, а о правдѣ говоритъ, что «она, правда-то, не всегда по недугу человѣку... не всегда правдой душу вылечишь». Существенное, то, чѣмъ они живутъ — у обоихъ одинаковое: сильно развитое этическое чувство, выражающееся въ любви къ ближнему. Акимъ проще, опредѣленнѣе а можетъ быть поэтоу сильнѣе. «Какъ по закону, да по-Божьи — все какъ-то, тае, оно тебя веселитъ. Манитъ, значитъ» — такова ясная и устойчивая мораль Акима. Лука сложнѣе, почва подъ нимъ далеко не такъ крѣпка, онъ еще ни на какой теоріи окончательно не утвердился. Пропадаетъ онъ изъ пьесы затѣмъ, что уходитъ «въ хохлы... слыхаль я — открыли тамъ новую вѣру... поглядѣть надо... да!» На мой взглядъ любознательное, пытлиное, подвижное мироотношеніе Луки вѣрнѣе, чѣмъ опредѣленная, конечная мораль Акима.

«Не могло бы быть: жизни, жизни вѣчной, если бы цѣль, къ которой мы стремимся, была понятная намъ,—слѣдовательно, конечная». (Изъ писемъ и бумага Л. Н. Толстого—«Журналъ для всѣхъ». Январь. 1903.).

То же и съ этикой. И она должна развиваться, идти впередъ. Можетъ быть, она тогда только и настоящая и жизненная, когда она движется, живетъ.

Татаринъ. Магометъ далъ Коранъ, сказалъ: вотъ—законъ! Дѣлай, какъ написано тутъ! Потомъ придетъ время,—Коранъ будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое время дастъ свой законъ. («На днѣ», 4-е Дѣйствіе).

Лука—не морализируетъ. А если и морализируетъ, то въ «обратную сторону», называя чернымъ то, что общепринятая мораль называетъ бѣлымъ. Вотъ послушайте:

— Мнѣ все равно! Я и жуликовъ уважаю, по моему, ни одна блоха — не плоха: всѣ черненькія, всѣ—прыгають... такъ-то?

Наташа. Они бѣглые? Каторжане?

Лука. Дѣйствительно—такъ, — бѣглые... съ поселенья ушли... Хорошіе мужики!

Лука не осуждаетъ и запоя, а относится къ нему совершенно какъ къ болѣзни.

Вообще, «мораль» Луки преимущественно въ его *отношеній*. Что онъ преступниковъ (жуликовъ, каторжныхъ) *на самомъ дѣлѣ* не осуждаетъ, а не только лишь твердить себѣ, что ихъ осуждать не слѣдуетъ. Можетъ быть, это происходитъ потому, что его «мяли много».

Анна. Гляжу я на тебя... на отца ты похожъ моего... на бабюшку... такой же ласковый... мягкій...

Лука. Мяли много, оттого и мягокъ. (Смѣется дребезжащимъ смѣхомъ).

Но не всѣ, которыхъ «мнутъ», становятся отъ этого мягкими.

Создавая Луку, авторъ очевидно задавался цѣлью нарисовать такое лицо, отъ котораго «не разило бы добродѣтелью». Чтобы оправдать въ этомъ смыслѣ Луку передъ зрителемъ, авторъ одарилъ его хитрецей, лукавствомъ, темнымъ прошлымъ, отсутствиемъ явнаго мужества и т. д. Человѣкъ—гордъ, рѣшилъ авторъ—и чтобы принять науку морали отъ другого—раньше всего не долженъ чувствовать, что поучающій обижаетъ его превосходствомъ своимъ. Психика людей, дѣйствительно, такова, и надо, чтобы они много извинили человѣку, раньше чѣмъ признаютъ его превосходство въ какомъ бы то ни было отношеніи. Лука умѣетъ такъ поучать, что не «обижаетъ» этимъ людей—вотъ чѣмъ, во-первыхъ, хороша мой Лука.

С. Сутугинъ.

Новая женщина.

(Парадоксы).

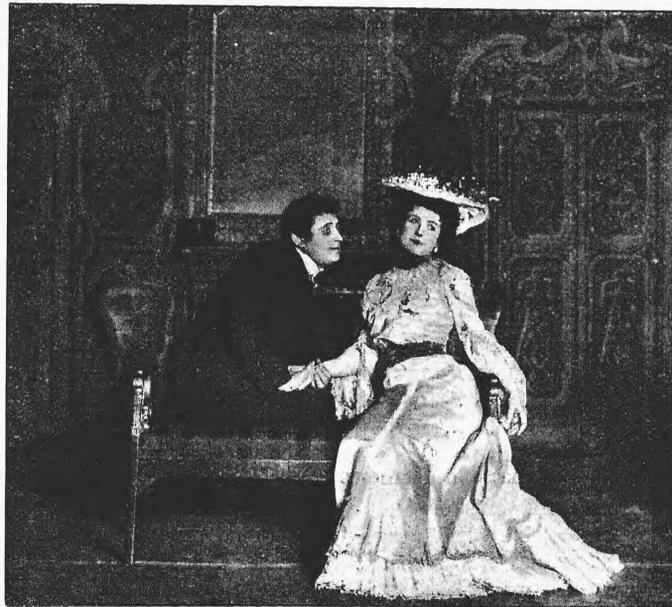
IV.

По сравненію съ претензіями своей нравственной философіи, «новая женщина», надо сказать правду, проявила себя немного. Большинство литературныхъ «новыхъ женщинъ» или искусственны, или только слегка намѣчены. Только Анна Маръ («Одинокіе») да, пожалуй, Нора представляютъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, исключеніе, но и то съ значительною оговоркою. И Нора, и Анна идутъ противъ мнѣнія большинства, но какъ идутъ?

Нора, порывая съ мужемъ объявляетъ какъ бы войну общественному мнѣнію. Она хочетъ начать новую жизнь. Хочетъ, но начнетъ-ли, а если и начнетъ, то долго ли это протянется? На долго ли у нея хватитъ энергіи и не погибнетъ ли она въ борьбѣ съ тѣмъ самымъ «большинствомъ», противъ мнѣнія котораго она такъ рѣшительно возсталъ? Творецъ Норы — Ибсенъ на это не даетъ отвѣта. Онъ только ставитъ вопросъ, предоставляя разрѣшать его другимъ. Положимъ, много лѣтъ тому назадъ газеты, со словъ самого Ибсена, протрубили, что онъ собирается написать продолженіе похаживаній Норы, но до сихъ поръ этого продолженія не появилось. Это даетъ основанія полагать, что и самъ Ибсенъ не увѣренъ въ дальнѣйшей судьбѣ Норы.

А вотъ и другая «сверхъ-женщина»: Анна Маръ. Что она сильная и смѣлая—объ этомъ говорятъ всѣ. Броунъ даже категорически утверждаетъ, что «разъ она чего-нибудь добивается — она идетъ напроломъ и уже ни до чего ей нѣтъ дѣла». Но, къ сожалѣнію, поступки Анны не отвѣчаютъ такой рекомендаціи. На самомъ дѣлѣ она не только не «идетъ напроломъ», но безъ всякой борьбы уступаетъ своего «друга». Она затѣмъ много и горячо разсуждаетъ о хорошихъ и смѣлыхъ вещахъ,—но поступаетъ все же такъ, «какъ говорятъ филистеры». Она мыслитъ красиво и смѣло, но все дѣлаетъ точно такъ же, какъ еслибъ «ея образъ мыслей былъ такой же жалкій, такой же убогий и давящій все живое, какъ и всякое филистерство». И хотя Анна и говоритъ Юганну: «если ваши воззрѣнія удовлетворяютъ васъ самихъ, то чего же вамъ тревожиться»,—но сама все время тревожится. И говоря о самыхъ жизнерадостныхъ вещахъ, проповѣдуя радость и счастье, она сама все время ноетъ, а иногда и плачетъ. Очевидно, что взаимоотношенія, выработанныя ненавистными ей филистерами, связываютъ ее по рукамъ и ногамъ. Она восклицаетъ, что «сво-

Н О В Ы Й Т Е А Т Р Ъ .

Г. Баратовъ—Робертъ. Г-жа Арнольди («Алиса»).

«Приключеніе».

боднымъ надо быть во всѣхъ отношеніяхъ», но сама чувствуетъ за собой толпу, съ мнѣніями которой — по слабости ли характера или почему другому — принуждена считаться.

На сколько выше такой робкой женщины-жизни, — женщина-мечта, какъ мнѣ хочется назвать и Гильду, и Раутенделейнъ, и Джіоконду!.. Изображаетъ ли ее туманный Ибсенъ, восторженный ли Гауптманъ, страстный ли Д'Анунціо — въ ней все-равно чувствуется неудержимое стремленіе къ идеалу, лихорадочное вдохновеніе, всеокрушающая нравственная сила и, наконецъ, дѣйствительная «свобода во всѣхъ отношеніяхъ». «Разъ я такъ

М. М. Петипа
въ роли Тартюфа.

(Къ бывшему бенефису 12 февраля).

хочу, — такъ и будетъ», словно говорить прекрасная, какъ сама красота, сильная, какъ сама сила, и поэтичная, какъ сама поэзія, женщина-мечта. И когда начинаешь ее сравнивать съ реальными образами литературы, то получается впечатлѣніе, будто сравниваешь солнце съ его отраженіемъ на грязной стѣнѣ. Поневолѣ напрашивается досадный вопросъ: почему мечта такъ обаятельна и почему дѣйствительность такъ не совершенна?..

Мы видѣли, что и Анна и Нора уходятъ отъ того, что есть, но къ чему онѣ стремятся — онѣ и сами опредѣленно не знаютъ. Докторъ Штокманъ, этотъ «врагъ народа» и убѣжденный противникъ «большинства», объявляетъ опредѣленную программу дѣйствій: онъ соберетъ уличныхъ мальчишекъ и путемъ воспитанія создастъ изъ нихъ «свободныхъ людей». Это будутъ личности, одинокія личности, которыя побѣдятъ большинство. Ясно и просто.

Такъ какъ Нора и Анна больше всего хлопочуть о «новыхъ» отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, то для того, чтобы добиться въ этомъ отношеніи какихъ-либо результатовъ, имъ придется перевоспитать существующее большинство. Это, конечно, не по силамъ такимъ относительно слабымъ характерамъ, какими являются наши героини. Онѣ скорѣе сами смѣшаются съ большинствомъ и пойдутъ на всевозможныя уступки. «Самый сильный человѣкъ тотъ, кто стоитъ въ мірѣ одиноко», говоритъ Штокманъ. Нужно уйти отъ міра.

ное и даже прекрасное какъ-то идетъ рука объ руку съ практичнымъ. Въ то время, какъ Іоганнъ мечтами паритъ въ облакахъ и слышать не хочетъ о борьбѣ за существованіе, о деньгахъ и проч., Анна пытается, рядомъ съ исканіемъ смысла жизни, разрѣшать и практическіе вопросы жизни. И сказочный міръ подтверждаетъ эту мысль. Большинство женскихъ образовъ сказочной литературы — съ несомнѣнными чертами и желаніями реальной женщины. Женщина съ небесъ время отъ времени спускается на землю въ то время, какъ мужчина стремится подняться до небесъ и не прочь ради этого порвать навсегда съ землей. Раутенделейнъ, на примѣръ, находитъ своего возлюбленного не среди родственнаго ей царства, а среди смертныхъ. Генрихъ, наоборотъ, найдя сказочную Раутенделейнъ, почти безъ колебаній бросаетъ землю.

Въ женщинѣ слишкомъ много практическаго для того, чтобы она смогла носить мученической ореолъ.

Итакъ — «новая женщина» въ плоти и крови не существуетъ. Женщина же вообще продолжаетъ оставаться *среди* большинства и такъ какъ у нея дѣйствительно появились новыя желанія и стремленія, то она, пользуясь своимъ влияніемъ на мужчинъ, научить это большинство тѣмъ же *новымъ* желаніямъ и стремленіямъ. Нашъ горизонтъ ограниченъ «стѣнами стараго дома», какъ говоритъ въ своей послѣдней пьесѣ П. М. Ярцевъ, и то, что находится внѣ поля нашего зрѣнія, ускользаетъ отъ нашего вниманія. На горизонтѣ мы видимъ только силуэтъ, но не въ состояніи подробно рассмотреть его. Отсюда и фантастичность образовъ, представляющихъ, въ сущности, безконечныя вариации одного и того же типа. Но если извлечь изъ отдѣльныхъ фантастическихъ образовъ реальныя части и соединить ихъ вмѣстѣ, то можно получить нѣчто цѣлое, хотя и теоретическое, но близкое къ истинѣ.

Мечта кромѣ того гарантируетъ человѣка отъ возможности омѣщанить и принизить то новое, что пока ему только «чудится», какъ говоритъ Анна, и что онъ еще не понимаетъ какъ слѣдуетъ, потому что еще не видитъ вполне оформившимся. Такъ, напр., случилось съ Гауптманомъ. Переноса своихъ «одинокихъ» на землю, онъ не сумѣлъ подыскать для нихъ настоящей обстановки, и благодаря этому, его герои кажутся порой банальными и, пожалуй, мелкими.

Реальные образы «новой женщины» больше рисуютъ намъ тѣ препятствія и «препоны», которыя приходится преодолѣть новымъ идеямъ прежде, чѣмъ онѣ станутъ истиной большинства.

Но и эта задача великая, и этотъ путь усѣянь терниями... Мы ощущаемъ неловкость «новой женщины» на старыхъ путяхъ, и инстинктивно ищемъ, благодаря этому, новыхъ путей обновленія...

Вл. Линскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Музыкальныя замѣтки.

70-й и 71-й общедоступные симфоническіе концерты графа А. Д. Шереметева познакомили публику съ двумя крупными новинками: Реквиемомъ Сень-Санса и 3-мъ дѣйствіемъ оперы г. Гречанинова «Добрыня Никитичъ». Хотя реквиемъ Сень-Санса былъ исполненъ прошлымъ лѣтомъ въ Павловскѣ, но починъ исполненія его принадлежитъ графу Шереметеву, уже весной поставившему это произведеніе Сень-Санса на программу слѣдующаго сезона. Реквиемъ написанъ въ сжатыхъ формахъ; вся музыка какъ бы подернута траурнымъ флеромъ: въ ней нѣтъ сильной драматичности или декоративно-эффектнаго письма. Мелодіи выразительны, просты, изящны; оркестровка обличаетъ въ авторѣ великаго мастера.

Сольныя партіи незначительны сами по себѣ, но придаютъ много красоты сочиненію. Главную роль въ реквиѣмѣ играютъ хоръ и органъ и примѣнены они въ высшей степени художественно. Исполненіе реквиѣма г-жей Данковской, гг. Богдановичемъ и Кедровымъ доставило истинное наслажденіе. Дирижеръ глубоко прочувствовалъ произведеніе Сень-Санса и провелъ его не только безукоризненно, но съумѣлъ передать свое настроеніе и слушателямъ.

Выдающийся успѣхъ выпалъ на долю 3-го акта оперы «Добрыня Никитичъ», принадлежавшей перу молодого московскаго композитора г. Гречанинова. Истинно-національнымъ стилемъ владѣютъ очень немногіе композиторы и даже наиболѣе талантливымъ изъ нихъ рѣдко удавалось выдержать чисто русскій складъ музыки въ теченіе цѣлаго акта оперы; западное вліяніе, — нѣмецкое и италіанское, даютъ себя чувствовать и у Глинки, и у Чайковскаго, и даже у Римскаго-Корсакова. Болѣе всѣхъ національны только Бородинъ и Сѣровъ во «Вражьей силѣ».

Бородина, а также съ народными пѣснями, но это явленіе не можетъ служить укоромъ композитору. По моему убѣжденію, ни одинъ композиторъ, хотя бы самый талантливый, не въ состояніи избѣжать заимствованія или совпаденія съ мыслями другихъ композиторовъ, особенно если онъ себя будетъ стѣснять рамками національнаго характера; а если онъ, къ тому же мелодистъ, то сходство должно выступить еще рельефнѣе.

Наиболѣе удачными нумерами 3-го акта «Добрыня Никитича» являются хоры: «Не разливайся ты, мой тихій Дунай» и «Воинъ, воинъ воробей!» Г. Гречаниновъ уже ранѣе зарекомендовалъ себя мастеромъ хорового письма, онъ хорошо изучилъ всѣ хоровые эффекты и великолѣпно владѣетъ ими. Слабѣе и мѣстами весьма непрактична оркестровка. Съ полетомъ написанъ разсказъ Алеши Поповича, прекрасно переданный г. Богдановичемъ; пѣсня Добрыни Никитича произвела впечатлѣніе, благодаря художественному исполненію г. Кедрова. Крохотныя партіи Краснаго Солнышка, Насти и

Н О В Ы Й Т Е А Т Р Ъ .

«Въ огнѣ», Ф. Фальковскаго. 3 актъ—припадокъ Алеши.

Г. Гречаниновъ не только проникъ и сроднился съ русскимъ духомъ, но повидимому, этотъ стиль лежитъ въ самой музыкальной натурѣ его. Г-ну Гречанинову не приходится подражать русской пѣснѣ или часто прибѣгать къ ея разработкѣ; говорить русскимъ музыкальнымъ языкомъ для него не составляетъ усилій; его музыка написана искренно, она вылилась изъ его души и вмѣстѣ съ тѣмъ она глубоко національна. Это качество является наиболѣе цѣннымъ въ творчествѣ г. Гречанинова и оно служитъ ему залогомъ крупнаго успѣха у себя на родинѣ; но оно же будетъ ему служить препятствіемъ для распространенія славы композитора за границею. Какъ въ музыкѣ, такъ и въ текстѣ русской пѣсни есть много своеобразной прелести, дорогой для русскаго человѣка, но совершенно непонятной для иностранца. Попробуйте перевести на иностранный языкъ текстъ русской пѣсни напр.: «Во саду ли въ огородѣ», — получится полная бессмыслица, подобная той, которая намъ представляется въ текстѣ «Нибелунговъ», а между тѣмъ для нѣмцевъ кроется какой-то глубокой смыслъ въ словахъ дочерей Рейна: «Weia! Wagal Woge, du Welle, Walle zur Wiege! Wagalameia! Wallala weia!» При этомъ надо замѣтить, что русская натура несравненно легче постигаетъ особенности иностранныхъ языковъ и музыки, чѣмъ это бываетъ съ иностранцемъ относительно всего русскаго. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что когда-нибудь и для Запада станутъ понятнымъ все обаяніе русской музыки, тогда и г. Гречаниновъ будетъ тамъ оцѣненъ по достоинству. Въ музыкѣ г. Гречанинова замѣчается близкое сходство съ нѣкоторыми темами Римскаго-Корсакова,

Мамелфы находились въ рукахъ г-жъ Данковской, Пржебылешкой и г. Филиппова. Хоры шли прекрасно. Дирижеръ искренно увлекся музыкой г. Гречанинова и провелъ ее съ такимъ подъемомъ, что половину успѣха, по справедливости, слѣдуетъ приписать его исполненію. Во всякомъ случаѣ, опера г. Гречанинова — произведеніе очень талантливое и имѣющее извѣстное значеніе въ русской оперной литературѣ. Администрація общедоступныхъ концертовъ графа А. Д. Шереметева можетъ гордиться тѣмъ, что она первая познакомила публику съ «Добрыней Никитичемъ».

Вечеромъ того же дня, въ Маринскомъ театрѣ дебютировалъ другой московскій композиторъ, г. Корещенко съ балетомъ «Волшебное зеркало», но менѣе удачно. Г. Гречанинову былъ поднесенъ вѣнокъ и оркестръ игралъ тушь, а г. Корещенко былъ опиканъ. На этихъ же столбахъ, балетный критикъ нашего журнала коснулся и музыки «Волшебнаго зеркала». Отчасти соглашаясь съ нимъ, я все же не могу сказать, чтобы музыка г. Корещенки была совершенно бездарна; при другой обстановкѣ, она прошла бы безъ скандала; композитору пришлось терпѣть «въ чужомъ пиру похмѣлье». Успѣха конечно не могло быть: выдающихся достоинствъ въ произведеніи г. Корещенко нѣтъ, но много ли вообще встрѣчается хорошей музыки въ нашихъ балетахъ и кто обращаетъ на нее вниманіе? Г. Корещенко окончилъ московскую консерваторію съ золотой медалью, но, несмотря на это, онъ совсѣмъ не владѣетъ техникой. Его гармоніи и полифоническая работа носятъ совершенно любительскій характеръ; оркестровка звучитъ рѣзко и жидко: свистятъ духовые инстру-

менты въ верхнемъ регистрѣ, гудятъ басы на низкихъ нотахъ, постоянно путаются безъ толку. бась-кларнетъ и англійскій рождокъ, струннымъ инструментамъ поручены такіе пассажи, которые возможны только на роялѣ, да и то въ исполненіи виртуоза. Лучшими актами по музыкѣ являются первый и четвертый; въ нихъ есть нѣчто благообразное; все-же остальное производитъ впечатлѣніе какой то безформенной каши, среди которой изрѣдка выплываютъ довольно банальныя и позаимствованныя темы.

Прекрасное впечатлѣніе произвелъ брусельскій квартетъ гг. Шергъ, Даухеръ, Мири и Гелларъ. Исполненіе его отличается артистической отдѣлкой и не лишено темперамента, хотя постоянная мягкость тона вноситъ нѣкоторое однообразіе. D'ur-ный квартетъ Ц. Франка, исполненный брусельскими артистами, не содержитъ въ себѣ ничего пріятнаго для слуха; а исключеніемъ скерцо, въ которомъ попадаетъ изящная музыка, квартетъ состоитъ сплошь изъ рѣзкихъ и неестественныхъ модуляцій, написанныхъ «съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ» и потому «не заслуживаетъ снисхожденія». Квартетъ Бетховена (E-moll, Op. 59, № 2) былъ переданъ безъ соблюденія строго-классическаго стиля, что иногда придавало ему странный и мало отвѣчавшій музыкѣ характеръ. Вечеръ закончился тремя эффектными новеллетами изъ квартета Op. 15 г. Глазунова. Исполнители квартета имѣли выдающійся успѣхъ.

П. Шенкъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Съ понедѣльника справочно-статистическое Бюро Театральнаго Общества переведено въ фойе московскаго Новаго театра. Канцелярія устроена попрежнему въ главномъ залѣ. Для служащихъ въ Бюро введена форма: всѣ барышни одѣты въ однообразныя синія платья и имѣютъ на груди значекъ Театральнаго Общества.

Получены свѣдѣнія о благополучномъ окончаніи сезона изъ Ярославля, Кострома, Курска, Тулы, Смоленска, Казани, Саратова, Пльзняка Новгорода, Архангельска, Бердянска и пр. Ярославль далъ антрепренеру г. Каширину около 3000 р. Въ Костромѣ—г. Паноржовъ-Сокольскій, въ Курскѣ—г. Погуляевъ, въ Смоленскѣ—дирекція народнаго дома и въ Бердянскѣ—у г-жи Правдиной—дѣла были недурныя. Въ Тулѣ—у г-жи Анчиковой-Ивановой—дѣла были приличныя. Антреприза г. Петросіяна (Книшневъ), по его словамъ, потеряла убытокъ. Артисты получили сполна. Последнее время на покрытіе жалованья артистамъ производились вычеты изъ кассы.

* * *

Труппа московскаго Художественнаго театра предполагала играть въ Маломъ театрѣ на пасхальной и еоминной недѣляхъ, но до сихъ поръ не сошлись въ условіяхъ. Какъ слышно, дирекція театра ведетъ переговоры также съ владельцами Панаевского театра.

* * *

Слухи и вѣсти.

— По словамъ «Нов. Дня», А. П. Чеховъ закончилъ новую пьесу и весною привезетъ ее въ Москву. Работаютъ сейчасъ надъ пьесами также и Максимъ Горькій, и Леонидъ Андреевъ, собирающійся, такимъ образомъ, также дебютировать въ качествѣ драматурга. Ну, какъ не воскликнуть вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ про руководителей Художеств. театра: «да они подстрекатели!»

— Изъ труппы Новаго театра выбыли г-жа Арнольди, заключившая контрактъ въ Ростовъ и Новочеркасскъ, и г.г. Казанскій, кончившій къ Коршу, и Аркановъ.

— Въ театрѣ В. А. Неметти на будущій сезонъ ангажированы П. Орленевъ, Звѣздичъ, г-жи Назимова, Лилина и др.

— Въ теченіи весенняго сезона, по слухамъ, на балетной сценѣ будетъ возобновленъ бал. «Царь Кандавлъ», съ г-жею Сѣдовой въ роли Низги.

— Въ виду скорого открытія Союза драматическихъ писателей при Театральномъ Обществѣ, предполагается, какъ мы слышали, разослать особый циркуляръ авторамъ съ предложеніемъ присоединиться къ Союзу, и уполномоченнымъ Театральнаго Общества, о томъ, желаютъ ли они принять на себя обязанности по взаимію гонорара.

— Совѣтъ Театральнаго Общества предложилъ дочери О. А. Петрова, 25-лѣтіе смерти котораго исполняется на-дняхъ, присоединить имѣющіяся у нея подписныя деньги къ капи-

талу въ 772 р., хранящемуся въ Театральномъ Обществѣ на постройку памятника славному пѣвцу.

— Изъ Томска прислана телеграмма въ Совѣтъ Театральнаго Общества съ жалобой на антрепренершу Строгову, которая не платитъ жалованья съ 6 января, несмотря на хорошія дѣла.

— Въ виду дошедшихъ до Совѣта Театральнаго Общества слуховъ о намѣреніи Б. Н. Киселевича снять театръ въ Варшавѣ для нѣмецкихъ спектаклей, рѣшено довести до свѣдѣнія г. варшавскаго полиціймейстера объ имѣющихся въ Совѣтѣ данныхъ, касающихся антрепренерской дѣятельности г. Киселевича.

— Таганрогскій антрепренеръ, г. Казанскій, обратился въ Совѣтъ Театральнаго Общества съ просьбою ссудить ему 400 р. для расплаты съ труппою.

— Г-жа Медея Фигнеръ подписала контрактъ на 5½ мѣсяцевъ въ Южную Америку—въ Монтевидео и Буэнос-Айресъ съ платой 30 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ.

— Въ будущемъ сезонѣ предполагается возобновить въ Александринскомъ театрѣ «Власть тьмы», съ г. Каширинымъ (Никита) и г-жею Савиной (Анисья). Кромѣ того будетъ поставлена «Ромео и Джульетта». Ромео—г. Самойловъ и Юрьевъ (по очереди). Пойдетъ также «Эдипъ въ Колоннѣ», съ г. Шуваловымъ.

— 18 февраля въ Александринскомъ театрѣ состоялся рядъ закрытыхъ дебютовъ (г-жа Панчина, г. Поповъ и др.). Дебютанты выступали въ отрывкахъ изъ «Маріи Стюартъ», «Лѣса», «Не въ свои сани не садись», «Коварство и любовь» и др.

— Обычные великопостные спектакли труппы г. Бока въ Александринскомъ театрѣ начнутся въ этомъ году 24 февраля. Составъ труппы: г-жи: Женни Гроссъ, Лотте Виттъ, Кети Таллеръ, Антонія Шиндлеръ-Гейзеръ; среди мужского: гг. Рудольфъ Кристіансъ, Адольфъ Клейнъ, Людвигъ Шталъ, Георгъ Энгельсъ, Альбертъ Патри.

— П. П. Струйскій предстоящимъ постомъ предпринимаетъ со своей труппою «поѣздку» по городамъ Сѣверо-западнаго края. Ретургаръ будетъ состоять изъ трехъ пьесъ: «Мѣщане», «На днѣ» и «Фрина».

— Труппа г. Незлобина организовала товарищество и предпринимаетъ постомъ поѣздку по городамъ Прибалтійскаго края.

— Въ нынѣшнемъ году исполняется 75-лѣтіе постановки на русскій сценѣ трагедіи «Коварство и Любовь». Въ первый разъ трагедія Шиллера дана была въ 1827 году, въ бенсфисѣ актрисы Вальберховой 1-й, причѣмъ роль Фердинанда игралъ Каратыгинъ 1-й, Леди Милфордъ—г-жа Семенова, фонъ-Кальба—Сосницкій, Миллера—Брянскій, Вурма—Хотянцевъ, Луизу—бенефициантка. Юбилейный спектакль на Александринской сценѣ отложенъ до будущаго года.

— Кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ) закончилъ пьесу «Кашей», въ которой выводится тройкое историческое «полющеніе» Руси: варягами, татарами и нѣмцами—разумѣтся, изображеніе въ символическомъ родѣ.

— Г-жа Некрасова-Колчинская ведетъ переговоры о снятіи Панаевского театра на будущій сезонъ подъ драматическіе спектакли.

— М. М. Петипа съ составленною имъ труппою отправился въ поѣздку по Западному краю Маршрутъ: Радомъ, Лодзь, Варшава, Люблинъ, Мянскъ, Вильна, Рига. Кромѣ обычнаго репертуара, включены: «На днѣ» М. Горькаго и передѣлка «Маркиза де Приола» на «русскіе» нравы подъ названіемъ «Современный донъ-Жуанъ».

— На лѣто, въ «формируемую оперетку, В. А. Неметти пригласила г. Сѣверскаго, г-жу Руджіери и нѣк. др. Съ осени при театрѣ открываются драматическіе курсы.

— Дебюты въ театрахъ Петербургскаго Попечительства о народной трезвости начнутся съ третьей недѣли.

* * *

О. А. Петровъ (къ 25-лѣтію со дня его кончины). 27 февраля 1878 г. скончался отъ паралича легкихъ знаменитѣйшій изъ пѣвцовъ русской оперы, Осипъ Афанасьевичъ Петровъ. Съ именемъ славнаго пѣвца неразрывно связана исторія русской оперы, на поприщѣ которой онъ подвизался со славою болѣе 50 лѣтъ.

Осипъ Афанасьевичъ родился 3 ноября 1807 года, въ Елисаветградѣ, Херсонской губ. Музыкальныя наклонности О. А. проявились еще въ дѣтствѣ. Дядя Петрова, у котораго онъ жилъ и который замѣнилъ ему отца, относился, какъ водится, не сочувственно въ музыкальнымъ дарованиямъ племянника, и въ особенности строго запрещалъ ему играть на гитарѣ. Съ нотами Петровъ познакомился, благодаря полковому капельмейстеру, жившему на квартирѣ его дяди. О. А. у него же тайкомъ учился играть на кларнетѣ. Каждую ночь онъ уходилъ въ поле и тамъ игралъ до утра.

Съ 1826 г. въ Елисаветградѣ пріѣхала харьковская труппа, въ которую О. А. поступилъ и дебютировалъ въ опереткѣ «Кавказъ-стихотворецъ». Антрепренеромъ былъ

Израховскій. Въ 1830 г., въ Курскѣ Петровъ обратилъ на себя вниманіе режиссера петербургскихъ театровъ, Лебедева, командированнаго на югъ для набора голосовъ въ петербургскую труппу. Пять лѣтъ послѣ этого Петровъ учился у извѣстнаго капельмейстера Кавоса и съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ роли Зороастра въ „Волшебной флейтѣ“, Моцарта.

Дебютъ положилъ начало извѣстности Петрова. Трудно перечислить всѣ партіи, сыгнатыя Петровымъ. Русская музыка, въ лицѣ Глинки и Даргомыжскаго, обязана Петрову тѣмъ, что публику, закормленную итальянскими мелодіями, и отуманенную пѣніемъ знаменитой плеяды пѣвцовъ (Рубини, Тамбурини, Лаблашъ), онъ заставилъ полюбить русское оперное пѣніе. Петровъ проигралъ роль Сусанина болѣе 300 разъ. Петровъ подобно Гаррику, соединилъ высокій комизмъ съ истиннымъ драматизмомъ. Достаточно вспомнить сцену съ волшебницей Нанной въ „Русалкѣ“ и дѣя контраста сцену сумасшествия въ „Русалкѣ“.

Публика достойно оцѣнила высокія качества и талантъ Петрова въ 50-лѣтній юбилей его артистической дѣятельности. О. А. былъ предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Давно уже онъ страдалъ хроническимъ катарромъ легкихъ, но не престаивалъ принимать участіе въ спектакляхъ. Онъ отказался отъ роли мельника въ „Русалкѣ“ только за нѣсколько дней до смерти.

* * *

Московскія вѣсти.

— «Столпы общества» Ибсена идутъ въ Художественномъ театрѣ 24-го февраля. Режиссируетъ пьесу Вл. И. Немировичъ-Данченко.

— В. А. Сашинъ подписалъ контрактъ въ труппу г. Ковалевскаго на три года. Изъ театра Корша ушли г-жа Миткевичъ, также въ труппу г. Ковалевскаго, и г. Леонидовъ въ «Художественный театр».

— Театръ Корша взялъ за 176 спектаклей зимняго сезона около 200 т. руб. валового сбора.

— Товарищество Частной оперы взяло до Великаго поста, не считая сбора за вѣшалку и за марки въ пользу учреждений Императрицы Маріи—204 т. руб.

— Г. Солодовниковъ назначилъ товариществу Частной оперы аренду въ 53,000 руб.

— Въ Маломъ театрѣ за сезонъ больше всего представленій выдержала «Миссъ Гоббсъ» (25 разъ).

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Какой-то остроумный французъ обмолвился о законномъ бракѣ, что онъ—un rot d'amour. Установившійся обычай подводитъ итоги театральному сезону—для присяжнаго обозрѣвателя жизни театра—своего рода такой rot.

За работу берешься не просто съ чувствомъ досады, но даже съ какимъ-то озлобленіемъ.

За послѣдній десятокъ лѣтъ всякій „сезонъ“ оставилъ нудный осадокъ. Изъ году въ годъ хирѣла и старѣлась въ бездѣйствіи огромная численностью труппа. По традиціи прокармливались десятки одряхлѣвшихъ ветерановъ или безголосыхъ протеежъ. Притокъ молодыхъ силъ прекратился совершенно. Изъ году въ годъ умалилось значеніе не ахти какъ талаптливаго, но все же безусловно серьезнаго, опытнаго и уважаемаго музыканта г. Алтыни, поставившаго нашъ оркестръ на должную высоту, а рядомъ выдвигались лица, не умѣвшія пріобрѣсти необходимую авторитетность въ глазахъ оркестра. Въ режиссерскомъ управленіи... Но тутъ и говорить нечего. Управление это у насъ всегда хромало. А въ этомъ году за благо было признано режиссерское управленіе и вовсе упразднить.

Мѣра была проведена быстро, рѣшительно, аккуратно и послѣдовательно.

Поступили просто. Отпечатали списки артистовъ по амплуа, а въ соотвѣствующихъ графахъ стали прославлять единицы о количествѣ исполненныхъ ролей. Ясно—получаешь денежки—неси одинаковое тягло.

Этимъ хотѣли очевидно, избавиться отъ нареканій, что многіе получаютъ тысячные оклады задва-три выхода въ сезонѣ. Такъ народилась система „очередныхъ“ исполнителей.

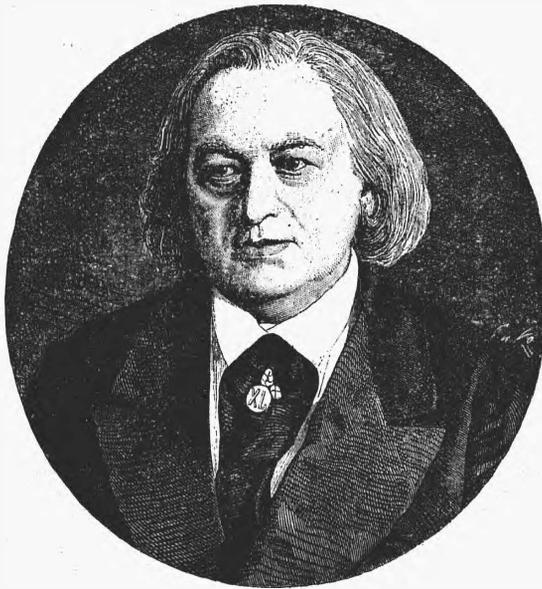
Къ чему она привела—не трудно представить. Если раньше изъ огромнаго численности состава труппы можно было набрать приличный ансамбль для трехъ-четырехъ оперъ, то теперь ни одинъ спектакль не обходился безъ инвалидовъ, ни одна опера не прошла съ надлежащимъ ансамблемъ. По очереди, въ перемежку съ приличными Овѣгвными и Валентинами, выпускали хрипуновъ и „фаготовъ“, на ряду съ Маргаритами и Татьянами демонстрировались ихъ матери и бабушки.

Вокъ-о-вокъ съ „очередной системой“ у насъ стоитъ другая „традиція“. Нормальнымъ порядкомъ слѣдовало бы считать тотъ, что „заслуженные артисты“, если не имѣютъ собственныхъ рептъ и помѣстій, то получаютъ пенсіи или содержатся въ убѣжищахъ. Но у насъ они содержатся при Большомъ театрѣ. Это значить, что они получаютъ и пенсію, и жалованья и „разовыя“.

Они, „заслуженные“, „почетные“—а потому изъ-за нихъ всѣ очереди уродуются особо торжественные и парадные спектакли.

Само собою, что при такомъ порядкѣ никакіе Шаляпины и

Собиновы дѣду не помогутъ. Особенно обидно, что этимъ двумъ артистамъ приходится работать именно при такихъ условіяхъ. Прежде всего и эти артисты попали въ очередь. Это само по себѣ характерно, но этого мало. Счетоводное режиссерство и въ очереди придумало очередь. Новые контракты этихъ премьеровъ съ вечеровыми разовыми привело къ необходимости завести систему „возвышенныхъ“ по цѣнамъ спектаклей. Въ угоду этому новому принципу въ художественной дѣятельности образцоваго опернаго театра примѣненъ былъ цѣлый рядъ опять таки новыхъ мѣръ. Упразднены были совмѣстные дебюты артистовъ въ одномъ спектаклѣ; пониженъ былъ качественностью ансамбль въ тѣхъ спектакляхъ, когда выступалъ одинъ изъ названныхъ пѣвцовъ, чтобы не лишитъ промежуточныхъ „простыхъ“ спектаклей и того мѣлаго интереса, который они могли представить безъ участія премьеровъ; по возможности отнимали и Шаляпина, и Собинова у абонементной публики. Такія оперы, какъ „Исконная япка“, „Моцартъ и Сальери“

О. А. Петровъ.

(Къ 25-лѣтію кончины 27 февраля).

съ г. Шаляпинымъ были даны всего по 4 раза, „Князь Игорь“—только два, а „Русалка“ и „Борисъ Годуновъ“—всего по разу! „Фауста“ и „Лакмѣ“ и др. старались давать безъ создавшаго тамъ дивный образъ артиста.

Характеристика протекшаго сезона была бы не полна, если бы мы не сказали нѣсколько словъ еще объ общемъ характерѣ репертуара.

Въ этомъ году обѣщаній дано было не мало. Хотѣли поставить и „Каменнаго гостя“, и „Мазепу“, и „Майскую ночь“, и „Добрыню Никитича“, и „Сервилю“, и „Снѣгурочку“, и „Ледяной домъ“... Но новый дирижеръ—вагнеристъ по своей женѣ—дочери жены знаменитаго Вагнера. А потому на русскія оперы времени не стало, да и какъ могло его хватить, когда возобновленіе ничтожной „Марты“ потребовало двухъ мѣсяцевъ упорной работы, а для втораго состава исполнителей въ той же „Мартѣ“ потребовалось 16 полныхъ репетицій?

Вся дѣятельность казенной оперы свелась къ двумъ возобновленіямъ—„Марта“ и „Медистофела“ да постановкѣ нехарактернаго для самого Вагнера „Моряка-Скитальца“.

Др. Анжели.

Намъ пишутъ изъ Москвы. 1 марта исполняется 25-лѣтне дѣятельности преподавателя драматическаго искусства Ивана Алексѣевича Буддина. И. А. окончилъ курсъ московской Консерваторіи по драматическому классу И. В. Самарина въ маѣ 1877 г. Служилъ въ драматической труппѣ П. М. Медвѣдева (лѣто 1877 г. въ Н.-Новгородѣ и зиму 1877—78 г. въ Казани). Затѣмъ, И. А. былъ приглашенъ на службу въ Императорскій Малый театръ послѣ дебюта весной 1878 г. Но И. А. привлекала преподавательская дѣятельность. Систематическаго преподаванія сценическаго искусства въ то время не существовало въ Москвѣ, кромѣ консерваторіи: дѣло нужно было организовать и уцѣлнить, почему карьеру актера И. А. Буддинъ пришлось оставить. Съ 1 марта 1878 г. И. А. началъ преподаваніе въ москов-

ской консерватории на I и II курсахъ драматическаго класса, какъ помощникъ И. В. Самарина. Въ 1887—1889 гг. преподавалъ драматическое искусство въ московскомъ кружкѣ любителей. Съ 1888 г. въ консерваториИ И. А. ведетъ одинъ преподаваніе сценическаго искусства въ классахъ драматическомъ и оперномъ. Съ сентября 1892 г. читаетъ въ московскомъ университетѣ курсъ „искусства произнесенія“ (декламаци) съ практическими упражненіями.

Кромѣ своей специальной дѣятельности, И. А. Булдинъ былъ дѣятельнымъ членомъ-исполнителемъ комиссіи чтеній для учащихся при учебномъ отдѣлѣ О-ва распротр. техн. знаній и состоитъ членомъ такой-же комиссіи педагогическаго О-ва при моск. универс., принимаетъ живое

И. А. Булдинъ.

(Къ 25-лѣтію преподаванія драм. искусства).

участіе въ дѣлахъ комиссіи публичныхъ народныхъ чтеній въ Москвѣ, какъ членъ Совѣта и какъ исполнитель чтеній для народа.

* * *

Мы получили слѣдующую телеграмму изъ Воронежа:

Артисты воронежскаго театра считаютъ своимъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность уважаемому Андрею Андреевичу Линтвареву за его товарищеское отношеніе къ намъ, за серьезную и добросовѣстную постановку дѣла, что значительно облегчало нашу работу.

Смирнова, Кудрявцева, Халатова, Струсь, Берсеньева, Холодова, Данилова, Надлеръ, Бѣлова, Григорьевская, Демюръ, Яценниковъ, Сабининъ, Горскій, Нератовъ, Жуковскій, Печниковъ, Высоцкій, Краевъ, Мировичъ, Ахлестинъ, Калининъ Казарскій, Шевченко, Ладогинъ, Коротковъ.

* * *

14 февраля въ театрѣ «Пассажъ» состоялся бенефисъ г-жи Некрасовой-Колчинской. Были поставлены: «Фрина» и 4-й актъ «Казни». Въ обѣихъ пьесахъ бенефициантка выступала уже раньше. Г-жу Некрасову-Колчинскую чествовали при открытомъ занавѣсѣ. Режиссеръ труппы г. Яновъ сказалъ по адресу бенефициантки нѣсколько почувствованныхъ словъ. Въ свѣтахъ и подмигиваніяхъ недостатка не было. Сборъ былъ полный. Впрочемъ, всю масляную недѣлю сборы были полные.

* * *

Въ субботу, 17 февраля, въ театрѣ «Общедоступныя развлечения» артистами театровъ Попечительства былъ устроенъ спектакль, сборъ съ котораго поступилъ въ капиталъ на учрежденіе при убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ стипендіи имени А. Е. Молчанова. Былъ поставленъ «Шейлокъ» съ г-жами Беллой Горской въ роли Джессики, Радецкой (Порція) и гг. Вольфомъ (Шейлокъ), Санинымъ (Антоніо), Деметьевымъ (Бассаніо) и др. Отъ спектакля очистилось 290 р. 67 к., которые уполномоченнымъ Театральнаго Общества г. Ромашковымъ внесены въ кассу Театральнаго Общества.

* * *

Намъ прислано слѣдующее письмо.

Наряду съ вопросомъ о децентрализаціи театра, которой посвящена статья Импрессиониста возникшая въ № 6 «Театра и Искусства», вопросъ о безусловной необходимости «демократизаціи» нѣкоторыхъ окрестныхъ театровъ. Присматриваясь за послѣдніе годы къ дѣятельности театровъ Царскаго Села, Гатчины, Петергофа, Нарвы и другихъ «пригородовъ» Петербурга, я убѣдился, что если они хотятъ продолжать существовать болѣе или менѣе сносно, имъ нужно, какъ можно скорѣе, опроститься. Теперь театры эти, ютяшіеся въ «общественныхъ собраніяхъ», работаютъ въ надеждѣ на мѣстную интеллигенцію и для нея подгоняютъ свой репертуаръ, наполняя его «Безправными», «Дѣтьми Ванюшина» и другими новинками столичныхъ сценъ. Между тѣмъ, эта интеллигенція часто ѣздила въ Петербургъ и нечего на нее жаловаться, если она предпочитаетъ лучше смотрѣть эти пьесы въ Петербургѣ, чѣмъ присутствовать при «выѣздныхъ сессіяхъ» далекихъ первоклассныхъ талантовъ. Поэтому театры эти за рѣдкими исключеніями пустуютъ. А между тѣмъ во всѣхъ этихъ городахъ есть достаточное количество публики, которая не ѣздитъ въ Петербургъ. Это мелкіе торговцы, прислуга и главнымъ образомъ солдаты расквартированныхъ тамъ полковъ. Но для нихъ совсѣмъ не интересно глядѣть «Монну Ванну» «Замѣстительницъ» Бріе. Да заходить-то въ «общественное собраніе» этой публикѣ какъ-то жутко: она не можетъ чувствовать себя свободно на глазахъ у «господъ». Поэтому, мнѣ, кажется, если гг. загородные антрепренеры не хотятъ больше перебиваться съ хлѣба на квасъ, они должны свои театры предоставить плесбу. Правда, тогда придется расстаться съ Метерлинкомъ, но я думаю, что для актера прежде всего дорога многочисленная аудитория, а играть Метерлинга въ пустомъ сараѣ и не выгодно и неприятно.

Б. Варнеке.

* * *

Балетъ. Зимній балетный сезонъ закончился 16 февраля сборнымъ спектаклемъ, въ программу котораго вошли одноактный балетъ „Волшебная флейта“, 3-ій актъ иль бал. „Пахита“ и новый балетъ въ 2-хъ картинахъ „Фей куколь“. Балетъ этотъ обогатилъ многія европейскія сцены и, благодаря своему веселому и забавному сюжету, а также красивой музыки Байера, вездѣ пользовался успѣхомъ. Не малый успѣхъ онъ имѣлъ и на варшавской сценѣ. У насъ этотъ балетъ поставленъ гг. Н. Легатъ и С. Легатъ въ изысканномъ нѣсколько видѣ, дополнивъ хореографическую программу вставными рас, вслѣдствіе чего и безъ того богатый его сюжетъ поблекъ еще болѣе: получилось нѣчто вродѣ дивертиссемента. Не смотря на это, постановка балета свидѣтельствуетъ о томъ, что бр. Легатъ не лишены балетмейстерскаго таланта и одарены изысканной фантазіею. Какъ я уже сказалъ выше, новый балетъ переполненъ танцами, и при томъ преимущественно характерными, бойкими, живыми, экспрессивными, полнымъ разнообразнаго колорита. Этими и объясняется тотъ выдающійся шумный успѣхъ, который выпалъ на первомъ представленіи на долю этого балета. Не было ни одного танца, который не вызывалъ бы единодушнаго одобренія публики. Особый интересъ имѣли „Бебе“ (г-жа Преображенская), „русскія крестьянка“ (г-жа М. Петина), pas des trois (г-жа Кшесинская, гг. Легатъ и Фокнинъ) и „маршъ куколь“, исполненный, подъ музыку П. Чайковскаго, воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища. Въ общемъ, балетъ инсценированъ очень удачно, и красивъ какъ въ хореографическомъ, такъ и въ монтажномъ отношеніяхъ, хотя, по сюжету, скорѣе представляетъ зрѣлище для дѣтей, чѣмъ для истыхъ балетомановъ. Удачныя декорациі талантливаго художника г. Бахта, а также костюмы 40-хъ годовъ весьма способствовали успѣху.

Въ поставленномъ, для начала спектакля, бал. „Волшебная флейта“, въ роли Лизы, выступила г-жа Павлова 2-я. Ея воздушные танцы и техническая ихъ законченность давно оценены нашею публикою. Это — танцовщица, изъ которой со временемъ вырабатается блестящая балерина. Единственно на что слѣдуетъ этой талантливой артисткѣ обратить вниманіе—это на свои руки, изгибы и положенія которыхъ имѣютъ иногда недостаточную граціозныя формы.

Поставленный для заключенія спектакля 3-ій актъ изъ балета „Пахита“ прошелъ блестяще. Въ grand pas г-жа Кшесинская, благодаря виртуозности своей техники и эффектности вариаций, вызвала шумные восторги. Вышнему успѣху grand pas не мало содѣйствовали и наши лучшія танцовщицы г-жа Павлова 2-я, Сѣдова, Егорова 2-я и Рыхлакова. Прекрасно исполненыя каждою изъ названныхъ артистокъ классическія вариации сопровождалась дружными рукоплесканіями.

Не смотря на то, что спектакль былъ утренній, театръ былъ полонъ. Балетмейстерскій талантъ вскрылся въ братьяхъ Легатъ совершенно случайно, и, судя по удачному жочину, можно предположить, что дирекція наша и въ будущемъ не лишитъ этого таланта возможности проявить себя. Зачѣмъ выписывать изъ за-границы иностранныхъ

балетмейстеровъ и платить имъ крупныя тысячи за неудачную постановку одного балета, какъ г. Коппини, когда, можетъ быть, тутъ же въ труппѣ есть свои, русскіе, таланты, которымъ не даютъ хода и престола?.. Н. Ф.

* * *

12 февраля въ «Новомъ театрѣ» дана была двухактная комедія «Приключеніе» (L'Aventure) Макса Морея въ переводѣ Н. Г. Пьеса эта шла съ успѣхомъ въ театрѣ Антуана. Сюжетъ — приключеніе молодого человѣка, принимающаго свою любовницу—замужнюю женщину за дѣвуху, являющагося къ ея матери въ качествѣ претендента на руку дочери, и сталкивающагося съ мужемъ. Анекдотъ изложенъ весело. Пьеса недурно исполняется г-жею Арнольди, гг. Баратовымъ, Казанскимъ и др.

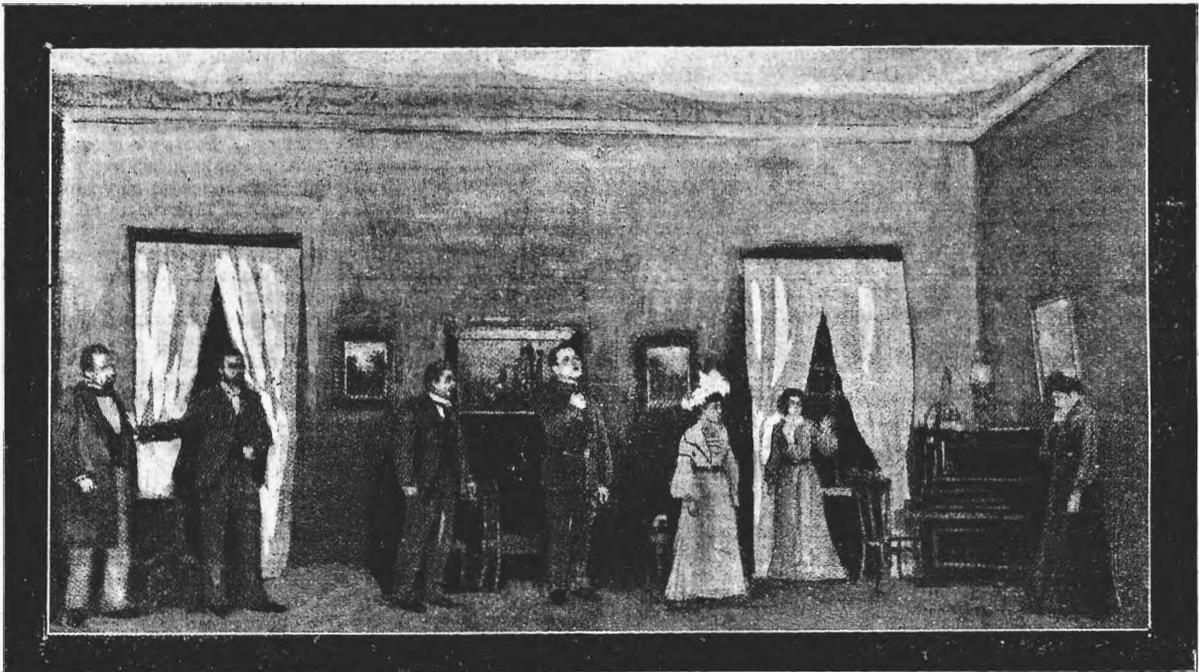
Кстати, исправляемъ досадную опечатку въ прошломъ №: роль Алексѣя («Въ огнѣ») прокричалъ г. Ростовъ, а не Ратовъ, какъ было напечатано.

самъ передавалъ о скандалѣ съ Переверзевымъ, говоря, что тотъ его обругалъ. При этомъ Соболишковъ добавилъ, что онъ, объясняясь съ Переверзевымъ и положивъ ему руку на плечо «дѣлалъ ему основательныя внушенія», послѣ чего тотъ началъ его ругать. Какого сорта были эти внушенія я отъ Соболишкова не слышалъ».

Мѣровой судья приговорилъ Соболишкова-Самарина и Переверзева, какъ виновныхъ въ нарушеніи общественной тишины въ театрѣ, къ штрафу по 15 руб. каждому, а при неплатѣ аресту на 3 дня. Въ нанесеніи же оскорбленій въ насиліи и угрозахъ за взаимностью обидъ признатъ невиновными. Переверзевъ намѣренъ перенести дѣло въ сѣздъ.

— Одинъ изъ гласныхъ казанской думы внесъ въ театральную комиссію предложеніе внести въ новый контрактъ съ антрепренеромъ условіе, по которому антрепренеръ обязывался бы предоставлять представителямъ мѣстныхъ газетъ бесплатныя мѣста. Эти мѣста могутъ быть отобраны не иначе какъ въ единогласному постановленію всѣхъ членовъ театральной комиссіи. Мотивируетъ свое предложеніе г. гласный тѣмъ, что г. Соболишковъ-Самаринъ сдѣлалъ распоряженіе о ли-

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

«Голосъ крови», О. Дымова. 3 актъ—финаль—«Смерть Аси».

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Варшава. Въ спектакляхъ труппы г. Ленскаго не приметъ участія г. Далматовъ, такъ какъ, по словамъ «Варш. Дн.», «для него не нашлось ролей въ намѣченномъ репертуарѣ». «Сонъ Услады», о которомъ просили г. Ленскаго, импресарио отказался ставить, «вслѣдствіе сложности постановки».

— Здѣсь состоялся драматическій конкурсъ имени Г. Сеневича устроенный лодзинскою газетою.

Воронежъ. Изъ Воронежа намъ телеграфируютъ, что 7 февраля была поставлена пьеса Горькаго «На днѣ». Наибольшій успѣхъ имѣли послѣдніе два акта.

Екатеринбургъ. Театральная комиссія постановила сдать театръ на два года г-жѣ Алмазовой. Г-жа Алмазова намѣрена снять также Верхъ Исескій театръ.

Житомиръ. Лѣтній театръ снятъ г. Нерадовскимъ.

Иркутскъ. Антрепренеры ходатайствуютъ у города о ссудѣ 8 т. р. подъ залогъ костюмовъ и бутафоріи.

Казань. Вторичный разборъ дѣла г. Соболишкова-Самарина съ сотрудникомъ «Каз. Т.» Переверзевымъ состоялся 13 февраля. И на этотъ разъ были любопытныя показанія свидѣтелей. Артистъ Шевченко, между прочимъ, показалъ: «Я и другіе артисты были возмущены скандаломъ въ стѣнахъ театра. Собравшіеся затѣмъ въ буфетъ артисты Карлинъ, Дубецкій, Калпашниковъ и нѣкоторые другіе сочувственно отнеслись къ Переверзеву и порицали дѣяніе Соболишкова. Рецензіи въ «Казанскомъ Телеграфѣ» всегда были вполне корректны и безпристрастны». Режиссеръ труппы С. А. Корсиковъ-Андреевъ заявилъ: «Соболишковъ мнѣ

шеніи редакціи одной изъ мѣстныхъ газетъ редакціоннаго кресла въ театрѣ—вслѣдствіе того, что отзывы этой газеты были будто бы всегда неблагоприятны для антрепренера и его труппы. Лишая представителей прессы мѣсть въ театрѣ, антрепренеръ лишаетъ общество насущной потребности знать все, что касается жизни театра».

Казань-Саратовъ. Изъ труппы г. Соболишкова-Самарина вышли: Шевченко (въ Тифлисѣ), Днѣпрова (кончила въ Харьковѣ), Галицкій (Ростовъ-на-Дону), Морская (Одесса), Арди-Свѣтлова, Михаленко (Харьковъ), Карминъ (Одесса), Дубецкій, Матророва (Кіевъ).

Кіевъ. Въ драматическомъ театрѣ «Соловцовъ» дано было за сезонъ 159 вечернихъ и 27 утреннихъ спектаклей. Взято валового сбора 124,779 р. 23 к. Поставлено 63 пьесы, кромѣ водевильей. Больше всего прошли «Мѣщане» (11), «Заза» (12), «Дѣти Ванюшина» (9), «Мамуся» (6).

— Въ нынѣшнемъ году исполняется 100-лѣтіе кіевского театра. Труппа г-жи Глѣбовой будетъ чествовать 9 сентября 100-лѣтіе параднымъ спектаклемъ.

Минскъ. Съ успѣхомъ прошелъ концертъ гг. Секаръ-Рожанскаго и Каміонскаго.

Нинній-Новгородъ. Судьями для третейскаго суда между гг. Сафоновымъ и Басмановымъ избраны со стороны г. Сафонова—преподаватель нижегородскаго корпуса г. Версеневъ, а со стороны г. Басманова—прис. пов. г. Яворскій. Предсѣдательствовать долженъ былъ Максимъ Горькій, но за отзывомъ его пришлось обратиться къ другому лицу.

Нахичевань. Г. Крыловъ прислалъ въ управу отзывъ на постановленіе думы относительно взысканія съ него неустойки

въ 1000 р. Въ своемъ отзывѣ, г. Крыловъ «нѣкоторыя неудачи въ исполненіи труппы» объясняетъ «отсутствіемъ подъема у артистовъ при исполненіи предъ всегда пустующимъ зрительнымъ заломъ».

Въ заключеніе г. Крыловъ проситъ увѣдомить его, уплатитъ-ли сама городская управа 1300 руб., причитающіеся ему за мѣста въ театрѣ, занятыя городскимъ головой, двумя членами управы, гласными думы г. Чубаровымъ и г. Дурбахомъ, городскимъ техникомъ и двумя надзирателями гимназіи, а также за одну литерную ложу, запертую на ключъ по распоряженію управы въ продолженіи всего сезона.

Оренбургъ. Управой получена телеграмма отъ г. Никулина, желающаго снять городской театр на зимній сезонъ.

Одесса. Въ «Русскомъ театрѣ» на второй и третьей недѣляхъ состоятся спектакли труппы Новаго театра съ г-жей Яворской.

Ростовъ-Донъ. Съ 24 февраля здѣсь начинаются гастроли г-жи Коммисаржевской.

— Сезонъ въ Асмоловскомъ театрѣ закончился сборнымъ спектаклемъ: давали по акту изъ «На днѣ», «Доходнаго мѣста», «Флирта» и «Господина Директора». Настоящая сборная селянка...

Рязань. По словамъ «Р. С.», отъ антрепренера городского театра г. Рудзевича полиція потребовала предъявленія разрѣшеннаго цензурой экземпляра «Ревизора».

Саратовъ. П. Г. Очкинъ приступаетъ къ постройкѣ новаго зимняго театра, который будетъ готовъ къ зимнему сезону 1904 г. Зданіе театра проектировано каменное въ три яруса, рассчитано на 1000 зрителей. Отопленіе будетъ паровое, освѣщеніе электрическое. Мѣсто, гдѣ будетъ помѣщаться театр, то самое, которое занято временнымъ лѣтнимъ театромъ.

Театръ уже заарендованъ на 6 лѣтъ г. Борисовымъ и Болховитиновымъ. Зимой рѣшено давать драму или оперу, соображаясь съ тѣмъ, что будетъ въ городскомъ театрѣ.

— Г. Соболиковъ Самаринъ предложилъ городу давать по полусезонно драму и оперу съ условіемъ, чтобы городъ не бралъ платы за освѣщеніе во время опернаго сезона. Дума въ этомъ отказала.

Таганрогъ. Въ управу поступило заявленіе антрепренера г. Трефилова, который хочетъ арендовать городской театр на зимній сезонъ.

Харьковъ. Въ бенефисъ г-жи Паскаловой былъ поставленъ «Вопросъ» А. С. Суворина.

Ярославль. Театръ на будущій сезонъ сданъ г. Каралли-Торцову.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Нѣкто, подписавшійся «Украинскій театраль», пишетъ намъ: «Совершенно вѣрно отмѣчено было въ журналѣ «Театръ и Искусство», что г. Суходольскій фактически не могъ праздновать 25-лѣтій сценической дѣятельности, — прежде всего потому, что въ сценическую дѣятельность его нельзя включить годы, проведенные имъ въ качествѣ театральнаго парикмахера, а во-вторыхъ, потому, что 3 года назадъ онъ праздновалъ въ Баку—десятилѣтній юбилей. Какимъ образомъ, черезъ 3 года онъ прибавилъ себѣ 15 лѣтъ сценической дѣятельности—непонятно.

«А впрочемъ съ актерами бываетъ. Былъ еще одинъ такой случай, когда разсылались приглашенія на 25-лѣтній юбилей знаменитаго актера, хотя въ дѣйствительности былъ 35-лѣтній юбилей. Но тутъ имѣлось смягчающее обстоятельство: актеръ недавно женился, и натурально было его желаніе казаться помоложе предъ молодой женой...

«Ну, это невинно, конечно... А вообще, не завести ли особня метрики для г.г. сценическихъ юбиляровъ?»

*** «По примѣру боговъ»... Говорятъ, что г. Суловъ, сгавившій въ московскомъ театрѣ «Эрмитажа» «Петербургскія труппы» рѣшилъ послѣдовать завѣтамъ московскаго Художественнаго театра, замѣняющаго искусство «неодкращенной натурой», и пригласилъ для изображенія сцены въ вяземскомъ «малинникѣ» 30 хитровцевъ-босяковъ. Эффектъ получился такой же, какъ отъ исполненія роли Тетерева въ «Мѣщанахъ» подлиннымъ пѣвчимъ—изумительный. Босяки вели себя съ натуральностью настоящихъ босяковъ, и публика чувствовала себя перенесенной въ гнѣздо Хитрова рынка. Даже какую-то вещь украли со сцены. Впрочемъ, потомъ ее нашли. Осуществить сліяніе искусства съ натурою до степени уголовно-наказуемаго реализма, хитровцы не рѣшились...

„Гвидо правъ!“

(Письмо въ редакцію).

Г. Ярцевъ, талантливый драматургъ-публицистъ обрушился на героя пьесы Метерлинка «Монна Ванна»—Гвидо за то, что онъ не понялъ подвига своей жены и не повѣрилъ, чтобы она могла выйти чистой изъ палатки Принцивалле; онъ обвиняетъ его за то что онъ по свойствамъ своей натуры, узко-мѣщанской, не могъ возвысится до пониманія и Монны Ванны, и Принцивалле. Тутъ кроется явное недоразумѣніе. Тутъ есть крайне важная черточка, заключающая крайнее извращеніе понятій, и удивительно, что она не замѣчена. Кто этотъ Принцивалле, который пользуясь безвыходнымъ положеніемъ осажденнаго имъ города, потребовалъ, чтобы жена Гвидо, Монна Ванна, *нагая*, прикрытая только плащомъ, пришла къ нему ночью. Вотъ эта черточка—«нагая».

Могъ ли Гвидо, зная, что свое жестокое требованіе, возможное въ тѣ кровавыя, дикія времена, Принцивалле постарался сдѣлать особенно унизительнымъ, повѣрить, чтобы этотъ самый Принцивалле вдругъ проникся великодушіемъ, преклонился передъ патриотическимъ подвигомъ своей жертвы и отпустилъ ее, не обезчещенной еще болѣе... Требованіе, чтобы Монна Ванна пришла къ своему оскорбителю непременно «нагая», конечно, могло исходить только отъ человѣка съ извращенными половыми инстинктами, который прежде, чѣмъ насытитъ свою жесткую страсть сладострастно наслаждается видомъ физическихъ или нравственныхъ страданій своей жертвы... Неронъ, изобрѣвшій зрѣлище христіанскихъ Дирцей, способенъ былъ-бы на такое требованіе, но развѣ можно ждать отъ него пошадь... И Гвидо вполне правъ, не повѣривъ, чтобы Принцивалле могъ вдругъ измѣнить свои животныя инстинкты. Онъ не могъ повѣрить. Его «мѣщанскій» образъ мысли—тутъ не причемъ: вина недовѣрія лежитъ не на немъ, а на Метерлинкѣ. Его Принцивалле клевета на человѣка. Онъ изображаетъ его сыномъ полудикой страны, но облагороженнымъ общеніемъ съ цивилизованными людьми. Принцивалле любитъ поэзію, интересуется литературой, у него *тѣсная* натура—по автору. Болѣе: Принцивалле *любитъ* уже давно Монну Ванну, онъ почти боготворитъ ее...

И эту-то любимую, боготворимую женщину Принцивалле заставляеть для удовлетворенія своей похоти поступиться чело-вѣческимъ достоинствомъ, отдаться ему, врагу ея народа, и притомъ отдаться при *особо* унизительныхъ условіяхъ. Насколько онъ придаетъ значеніе этимъ условіямъ видно изъ того, что въ первыхъ же своихъ словахъ по приходѣ Монны Ванны онъ освѣдомляется, пришла-ли она *нагая*.

Но Метерлинкъ этимъ не ограничивается. Какъ можетъ отнестись порядочная женщина къ своему оскорбителю? Она можетъ убить его, убить себя, наконецъ, отнестись къ нему, какъ къ нечистому животному... Но Монна Ванна поступаетъ на перекоръ чело-вѣческой совѣсти и логики: она проникается чувствомъ къ своему оскорбителю, не пошадившему *даже* ея женской стыдливости; она отдаетъ ему не тѣло, но душу и преклоняется предъ его благородствомъ (?) и его любовью (!?); она спасаетъ его отъ мщенія мужа и предвкушаетъ сладость его будущихъ ласкъ... Ни одна куртизанка не отнесется такъ къ своему оскорбителю, какъ отнеслась къ нему возвышенная гражданка Монна Ванна... Это не просто «декадентство», а кощунство, возводящее въ перль созданія инстинкты и поступки, заслуживающіе не только осужденіе, но и презрѣнія...

Петръ Оленинъ.

Письма въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Желая возстановить истину, искаженную г. Шильдкретомъ въ его письмѣ, помѣщенномъ въ № 4 «Театра и Искусства», мы, нижеподписавшіеся просимъ напечатать слѣдующее опроверженіе:

Хотя репутація г. Шильдкрета, какъ антрепренера, общеизвѣстна, но мы вынуждены возразить для тѣхъ изъ нашихъ товарищей, подпись которыхъ мы увидали въ № 4, и которые, возставая раньше противъ Шильдкрета, стали, къ удивленію, вдругъ съ нимъ солидарны.

Во 1-хъ, г. Шильдкретъ заявляетъ смѣло (но голословно), что «*дѣла были неважныя*» и не приводитъ никакихъ цифровыхъ данныхъ въ доказательство. Между тѣмъ «неважныя дѣла» можно очень опредѣленно выразить суммою сборовъ: за 73 спектакля выручено 31,474 р. 86 к., за три мѣсяца поѣздки содержаніе труппы стоило 6,975 р., гастролеру уплачено 7,576 р. 45 к., остальная сумма—16,923 р. 41 к. поступила въ распоряженіе г. Шильдкрета.

Во 2-хъ, «*Я платилъ всемъ актерамъ и служащимъ аккуратно*»,—заявляетъ громогласно г. Шильдкретъ. Къ сожалѣнію, онъ благоразумно умалчиваетъ о неудовольствіяхъ, высказанныхъ членами труппы по его адресу за неаккуратный платежъ. Чѣмъ лучше были дѣла, тѣмъ хуже онъ платилъ. Труппа была возмущена вся поголовно и, выбравъ 3 лицъ—Верховскаго, Нечасова и Выговскаго—черезъ нихъ поставили Шильдкрету ultimatum: или платить аккуратно (чему дѣла вполне способствовали), или передать дѣло въ товарищество.

Въ Батумѣ при уплатѣ жалованья за 2 половину декабря, часть труппы, не желавшая повторенія предыдущаго, рѣшила получить свое жалованье черезъ полицію. Объ этомъ было подано заявленіе г. полиціймейстеру, который и потребовалъ отъ Шильдкрета 10% съ каждаго спектакля для уплаты труппѣ при отъѣздѣ изъ Батума.

Путемъ обѣщаній, просьбъ и угрозъ Шильдкрету удалось склонить многихъ подписаться на новомъ заявленіи въ томъ, что труппа желаетъ получить жалованье непосредственно черезъ антрепренера, который, якобы, всегда платилъ аккуратно; (чѣмъ полиціймейстеръ былъ озадаченъ: то труппа письменно заявляетъ одно, то другое). На этомъ заявленіи не подписался лишь одинъ Нечаевъ, за что Шильдкретъ и рѣшилъ отказать ему отъ службы.

Этотъ безцеремонный поступокъ Шильдкрета былъ для Орленева послѣдней каплей переполнившей чашу.

Причина же лежала глубже: она заключалась въ цѣломъ рядѣ некрасивыхъ (чтобъ не сказать больше) поступковъ Шильдкрета, бросавшихъ тѣнь на Орленева, начиная съ мелкихъ и крупныхъ скандаловъ въ каждомъ городѣ; съ инцидента въ Екатеринодарѣ по поводу постановки «Мѣшанъ», въ чемъ обвиненъ былъ Орленевъ; вѣчныя жалобы труппы (часть которой служила у Шильдкрета за поручительство въ уплатѣ денегъ Орленева) на неплатежъ и т. д., и т. д.— все это вмѣстѣ взятое, заставило, наконецъ, Орленева, поступить съ Шильдкретомъ рѣшительно, не для того, чтобъ бросить труппу на произволъ судьбы, но для того, чтобъ, избавившись отъ Шильдкрета, составить товарищество.

Шильдкретъ долгое время не высылалъ багажа, гдѣ находились всѣ костюмы Орленева его репертуара.

Наконецъ, багажъ былъ присланъ, но Шильдкретъ, будучи долженъ Орленеву большую сумму, совершенно произвольно наложилъ на вещи платежъ въ 287 рублей! Пьесъ же цензурованныхъ не выслалъ совсѣмъ. Орленевъ вынужденъ былъ за свои собственныя вещи уплатить 287 р. и затѣмъ ѣхать въ Петербургъ за новыми цензурованными экземплярами, а вся вина въ несчастномъ исходѣ дѣла падаетъ на людей слабыхъ, трусливыхъ, способныхъ только на компромиссы.

А. А. Ланскихъ, Надежда Сергѣева, Константинъ Михайловичъ Казанскій, Н. П. Нечаевъ, В. Верховскій.

М. г., г. редакторъ! Въ статьѣ И. Соколова «Страничка изъ исторіи Народнаго театра», помѣщенной въ № 4 Вашего уважаемаго журнала говорится, что оперы съ участіемъ народнаго хора при Сестрорѣцкой Народной Читальнѣ давались подъ управленіемъ Б. Полякова. Свѣдѣнія эти не совсѣмъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности: какъ первая опера «Паяцы», такъ и послѣдующія съ участіемъ народнаго хора ставились подъ исключительнымъ моимъ управленіемъ, что отчасти подтверждаютъ статьи газеты «Новое Время» за 1898 годъ въ сообщеніяхъ Петербуржца и Совѣта Сестрорѣцкой Народной Читальни (№№ 8076 и 8106).

Членъ Совѣта Сестрорѣцкой Народной Читальни
Н. Арсеневъ.

М. г., г. редакторъ! «Новое время» въ № 9683 помѣстило слѣдующую телеграмму: «Тверь, 17 февраля. Вчера, на сценѣ Общественнаго Собранія», труппой Черпанова, поставлена пьеса Горькаго: «На днѣ». Залъ былъ переполненъ, но играли слабо».

Какъ мѣстный агентъ Русскаго Театральнаго Общества, считаю себя обязаннымъ объявить черезъ посредство вашего уважаемаго журнала, что пьеса «На днѣ» соч. М. Горькаго, вовсе не шла на сценѣ Общественнаго Собранія, а была поставлена пьеса соч. какого-то А. А. Ч—ва; хотя афиша была составлена такъ, что многіе изъ публики были увѣрены, что идутъ смотрѣть пьесу соч. М. Горькаго.

Прилагаю подлинныя программу и афишу. Последняя—прямо курьезъ.

Откуда взялъ г. корреспондентъ, что залъ былъ переполненъ? Всего было продано на 196 руб. съ марками и благотворительнымъ сборомъ; полный же сборъ, по цѣнамъ этого спектакля,—800 руб. съ лишкомъ.

Что дѣйствительно вѣрно въ телеграммѣ, такъ это то, что играли слабо, но пьесу, игранную 16 февраля и невозможнаго разыграть мало-мальски сносно. Она до такой степени плоха, что не только труппа г. Черпанова (вообще очень слабая), но и гениальнѣйшіе актеры ничего бы не могли въ ней подѣлать. Неужели эту неудачную компиляцію г. корреспондентъ принялъ за произведение М. Горькаго? Последнее было бы, пожалуй, курьезѣ афиши.

Прим. и пр. *Дмитрій Поповъ.*

Отъ редакціи. Афиша дѣйствительно забавная. «На днѣ»—оставлено большими буквами, а съ боковъ мелко—«былые люди». Затѣмъ слѣдуетъ строчнымъ шрифтомъ: «драма въ 4 д. А. А. Ч—ва, мотивы, сюжеты (?), типы заимствованы изъ разсказовъ»—и снова крупно—«Сочиненіе Максима Горькаго».

Неизданный разсказъ А. Н. Островскаго.

(Записки замоскворѣцкаго жителя).

(Окончаніе).

Въ это время съ нимъ и случилось одно происшествіе. Переѣзжая съ квартиръ изъ угла въ уголъ, онъ попалъ на Зацѣпу, въ домъ мѣшанки Мавры Гуревны (по простонародному произношенію Агуревны) Козырной. Это ужъ его и доканало совсѣмъ. Мавра Агуревна была вдова, и бѣдовая такая была баба. Ну, да ужъ я вамъ разскажу про нее сначала. Мавра Агуревна

ГАЛЛЕРЕЯ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ АРТИСТОКЪ.

Г-жа Моравская.

(Вильна).

была сирота купеческаго роду и жила за Москвой-рѣкой на опеку у дяди купца, русака. Дядя ея былъ человекъ очень богатый, а жилъ просто, ѣлъ деревянной ложкой изъ деревянной чашки, самъ мелъ дворъ и носилъ ключи на поясѣ. Было у Мавры Агуревны денегъ тысячъ десять положено на ея имя въ Опекунскій Совѣтъ, да дядя обѣщаль еще дать за ней тысячекъ пять. За этой Маврой Агуревной много народу волочилось, только она никому не поддавалась, а вышла замужъ по любви за мѣшанина Козырнова. Этотъ Козырной имѣлъ за Москвой-рѣкой двѣ табачныя лавочки, ходилъ въ синемъ казакинѣ и плисовыхъ шароварахъ, игралъ отлично на торбанѣ и былъ гуляка страшный. Онъ нѣсколько разъ посягалъ на приданое Мавры Агуревны, и всегда она ему, какъ говорится, подавала карету. Мавра Агуревна не только не давала ему своихъ денегъ, но обирала часто и у него. Особенная способность была у Мавры Агуревны пря-

тать деньги; бывало, Козырной съ похмѣлья перероетъ всѣ мышки норки въ домѣ и не найдетъ ни одного гривенника. Но Козырной не унывалъ; онъ имѣлъ случай всегда быть пьянымъ. Отъ того имѣлъ случай, что любили его купеческія дѣтки и приказчики. Бывало, разгуляются гдѣ-нибудь, сердечные, сейчасъ и шлютъ за нимъ, чтобы онъ имъ сыгралъ венгерку на торбанѣ. Такъ ужъ тутъ онъ чужого вина не жалѣлъ. А какъ это случилось очень часто, такъ онъ и спился совсѣмъ, да должно быть отъ этого

и померъ. Мавра Агуревна была баба не промахъ, она овдовѣвши-то, устроила свои дѣлшки, какъ нельзя лучше. Приведя все въ наличныя деньги, она отдавала ихъ по мелочи по 50, по 100 и 200 рублей подъ вѣрные залогі, и зажила припѣваючи. Домикъ ея былъ заваленъ и заставленъ вещами всякаго рода: тамъ были и фортепьяны, и столы, и комоды, на столахъ часы разныхъ формъ; по угламъ подъ простынями висѣли салоны, шинели теплыя и холодныя, въ шкапахъ серебро, бѣлье столовое и, словомъ, все, что можетъ въ нуждѣ заложить человѣкъ. И все это рѣдко возвращалось хозяевамъ, а большей

ее любить, лелѣять, старался бы ей всякое удовольствіе сдѣлать. Да и о себѣ-то бы лишній разъ вспомнилъ, почаще бы въ зеркало заглядывалъ. Сталъ бы деньги копить, завелъ бы знакомство, стали бы ѣздить съ женой въ театръ, на гулянье. Ахъ, говоритъ, Иванъ Яковлевичъ, какъ бы полюбила меня порядочная женщина, Богъ знаетъ, что бы я сдѣлалъ для нея. А теперь какъ-то ни на что глядѣть не хочется. Сидишь дома въ халатѣ да потягиваешь; а, вѣдь, этакъ дальше да дальше, да пожалуй и пропадешь совсѣмъ. Хорошо задумалъ Иванъ Ерофеичъ, да не такъ бываетъ у насъ за Москвой-рѣчкой. У насъ молодые чиновники не женятся, потому что не имъ содержать жену, потому что никто не отдаетъ порядочной невѣсты за младшаго помощника Столоначальника.—Такъ вотъ-съ, съ одной стороны жизнь Ивана Ерофеича улучшилась. Въ комнатѣ его было чисто, манишку всегда носилъ бѣлую, столъ былъ хорошій, мундиръ вычищенъ. Да за то съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы ему было хорошо. Мавра Агуревна такъ имъ командовала, что чудо.

Бывало пошлетъ его въ лавочку за чѣмъ-нибудь, а онъ и идетъ, не смѣетъ ослушаться. Право, такой вялый сталъ. А Мавра Агуревна привыкла на чужія вещи смотрѣть, какъ на свою собственность; такъ и обращалась съ нимъ какъ будто его заложилъ ей кто-нибудь. Деньги у него обирала, говоря ему, что это для его же пользы дѣлается, что онъ пропьетъ же ихъ. Къ товарищамъ пускала его очень рѣдко и то на срокъ, и дѣлала ему страшные выговоры, когда онъ опаздывалъ. Водки ему давала извѣстную порцію, и больше ни подъ какимъ видомъ. Раза два или три въ годъ позволяла она ему пригласить товарищей, и тогда скрывалась куда-ни будь, либо уходила со двора. Иногда вечеромъ взгрустнется Ивану Ерофеичу, и онъ начнетъ из-

«Обозрѣніе».
Босякъ—г. Рутковский.

дали разными намеками объяснять Маврѣ Агуревнѣ, что такой-то дескать чиновникъ именинникъ, что онъ у него давно не былъ, что истратитъ онъ на извозчика не больше полтинника, и придетъ въ своемъ видѣ и не позже 10-го часу. На это Мавра Агуревна обыкновенно-отвѣчала ему, что если ему дѣлать нечего, такъ лучше послать за сосѣдкой, да поиграть вечеръ-то въ дурачки, чѣмъ пьянствовать. съ этой стороны, Мавра Агуревна была совершенно права передъ нимъ. А все-таки неприятно. Вы представьте себя на мѣстѣ Ивана Ерофеича; вѣдь чиновникъ-съ, до 30 лѣтъ дожилъ; не мальчикъ какой-нибудь; и ни въ чемъ не имѣетъ воли. И то, подумаешь, вѣдь не крѣпостной какой-нибудь. Да что

«Обозрѣніе».

частью переходило на толкучій въ руки торговковъ, пріятельницъ Мавры Агуревны. А сама она была бѣлая да румяная, да такая проворная. Ходила она по-русски въ платочкѣ; бывало, повяжетъ платочекъ съ бантикомъ, да какъ-то немножко на сторону, надѣнетъ шелковую шубку да синіе чулки со стрѣлками—заглядѣнье просто. Идетъ бывало, словно лебедь плыветъ. Сюда-то и переѣхалъ Иванъ Ерофеичъ. Мало-по-малу Мавра Агуревна прибрала его къ рукамъ. Да это и не мудрено было сдѣлать: она была такая бойкая, а онъ такой вялый, что безъ няньки и жить не могъ.

Правда въ пословицѣ-то говорится, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Бывало, Иванъ Ерофеичъ строитъ воздушные замки: вотъ и такъ-то буду жить и этакъ-то. Спросишь, бывало, у него, что, молъ, ты, Иванъ Ерофеичъ, все за дѣлами сидишь; человѣкъ ты не интересанъ, что, дескать, убивать-то себя понапрасну.—Какъ, говоритъ, понапрасну. Ну что, говоритъ, моя теперь за служба, пропадешь совсѣмъ. А вотъ, говоритъ, я узнаю дѣло. хорошенько, такъ могу занять мѣсто повиднѣе. Потомъ, говоритъ, женюсь. Ты знаешь, говоритъ, что мнѣ нельзя жить безъ женщины; видишь какой я неряха, никакого у меня порядку нѣтъ. Некому меня ни остановить ни приласкать. Иногда приходятъ такія мысли, для чего, молъ, я живу на свѣтѣ-то. А будь у меня жена-то-молодая, сталъ бы я

же съ нимъ будешь дѣлать, ужъ такого былъ слабаго характера. Любилъ что ли онъ ее очень, или такъ ужъ по-терялъ совѣмъ, право, не знаю. Бывало такъ, что выходя изъ присутствія, позовешь его обѣдать въ трактиръ, а онъ долженъ отказываться, потому что, боится опоздать, и чтобы не разбранила его Мавра Агуревна очень.

Какъ ни тяжела казалась ему эта неволя, но все еще, скрѣпя сердце можно было снести ее. Да вотъ бѣда: товарищи его начали подсмѣиваться надъ нимъ. Какой-то досужій чиновникъ сочинилъ картину, въ которой представилъ, какъ Мавра Агуревна деретъ Ивана Ерофеича за хохоль, и приговариваетъ: «Ахъ, ты, соня! а еще чиновникъ называется!» а онъ, стоя на колѣняхъ, говоритъ: «Виновать! не буду!» Надъ этой картиной смѣялись всѣ; она переходила въ судъ изъ стола въ столъ и даже удостоилась милостивой улыбки секретаря. Ну, это совѣмъ сконфузило Ивана Ерофеича, и такая жизнь ему опротивѣла, а вырваться какъ-нибудь изъ этой бѣды не было у него силъ.

Вотъ онъ сталъ задумываться все больше да больше, больше да больше—сталъ такой грустный. Наконецъ, вотъ что случилось. Это было лѣтомъ. Въ одно утро Мавра Агуревна, поручивъ Ивана Ерофеича попеченіямъ кухарки, пошла къ Троицѣ. Иванъ Ерофеичъ сталъ какъ-то веселѣе обыкновеннаго, онъ шутилъ съ товарищами, острилъ, смѣялся, чего прежде съ нимъ не было; мы думали, думали, что это сдѣлалось съ Иваномъ Ерофеичемъ; на силу-то дознались отъ него, что Мавра Агуревна ушла къ Троицѣ. Вотъ однажды отправился онъ съ нами обѣдать въ Малый Московскій. Тутъ мы, признаться сказать, выпили, какъ водится. Пошелъ у насъ крупный разговоръ, начали смѣяться надъ Ивановъ Ерофеичемъ, что онъ не умѣетъ съ бабой справиться, что онъ башмакъ; и проч. А ужъ и онъ-то былъ хмѣленъ.—Нѣтъ, говоритъ, господа, не хочу больше жить за Москвой-рѣкой, нынче же вечеромъ, говоритъ, переѣду; я, говоритъ, своему слову господинъ. Да переѣзжай, Иванъ Ерофеичъ, ко мнѣ, говорю я ему.—Изволь, братъ, говоритъ, нынче же переѣду. Вы еще, говоритъ, не знаете, каковъ я; я себѣ сказалъ: «полно, Ванька, дурачиться; перестань, говорю, ну и полно, и... будетъ». Вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ сдержалъ слово. Возвратясь домой съ вечерни, онъ отослалъ куда-то кухарку, уложилъ на извозчика свое имущество и отправился ко мнѣ. А я тогда жилъ у Харитонья въ огородникахъ. Онъ мнѣ послѣ-то сказывалъ, что всю дорогу онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, что боялся оглянуться на Замоскворѣчье, словно сдѣлалъ какое-нибудь душегубство. Онъ поминутно погонялъ извозчикъ; ему такъ и мерещилось, что вотъ изъ Замоскворѣчья долетаютъ до него слова: «Иванъ Ерофеичъ! Иванъ Ерофеичъ! куда это ты ѣдешь, любезный». Наконецъ кое-какъ онъ добрался до моей квартиры. А у меня вечеринка была, т. е. не то, чтобы балъ какой, а такъ, по случаю пятницы. Завтра, дескать, суббота, день неприсутственный, такъ и можно гово. Молодые чиновники играли въ преферансъ по копѣйкѣ серебромъ; а мы, постарше-то, за пуншемъ сидѣли. Вдругъ входитъ Иванъ Ерофеичъ.—Вотъ и я здѣсь, говоритъ, говорить, да такъ бойко, такъ весело. Самъ себя обманывалъ. Начались шутки и Иванъ Ерофеичъ не отставалъ отъ прочихъ. А все-таки можно было замѣтить, что у него эта веселость была поддѣльная, и что на сердцѣ у него было очень не покойно. Карты были брошены; началась круговая; забранчала гитара, и Иванъ Ерофеичъ первый затянулъ: «При долинушкѣ стояла». Потомъ пошла плясовая, и Иванъ

Ерофеичъ первый и плясать пошелъ. Я Вамъ говорю, что самъ себя обманывалъ. Наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ сталъ онъ какъ будто попокойнѣе сердцемъ. Вотъ, думалъ онъ: выпью хорошенько, авось пройдетъ. Но это средство обмануло его; все, что онъ пряталъ на сердцѣ, полилось во всеуслышанье.—

Посудите, люди добрые, посудите, заговорилъ онъ. Что же такое въ самомъ дѣлѣ. Я не крѣпостной какой-нибудь, кажется. Я, говоритъ, чиновникъ и, кромѣ своего начальства никому не подвластенъ. Вотъ и все тутъ. Да я и знать никого не хочу. Я благородный человѣкъ. Что она мнѣ? Я, говоритъ, ее знать не хочу, она не жена моя, чтобы надо мною командовать. Извѣстное дѣло не жена, говорю я ему, ну и брось ты ее Иванъ Ерофеичъ, ну и плюнь на нее; много этой дряни-то.—Нѣтъ, ты постой, говоритъ, Иванъ Яковлевичъ, ты вотъ послушай, что я тебѣ скажу: т. е. не жена она мнѣ; ну и полижимъ, что не жена, а, братъ, лучше жены. Куда жена! Мать родная того для меня не сдѣлаетъ, что она для меня сдѣлала! А какъ, говоритъ, я противъ нея поступилъ. Ну-ка скажи-ка, какъ я, противъ нее поступилъ! Нешто благородные люди такъ дѣлаютъ. Анъ нѣтъ! говоритъ, не дѣлаютъ. Сапожникъ какой-нибудь такъ сдѣлаетъ; подлець какой-нибудь. Вотъ и выходитъ, что я, говоритъ, подлець противъ нея. Мы начали надъ нимъ смѣяться, что онъ баба, что Мавра Агуревна ему наперстками водку отмѣриваетъ. Стали ему говорить, что мы теперь ужъ его не пустимъ къ Маврѣ Агуревнѣ, какъ онъ ни плачь. Одинъ у насъ чудакъ такой былъ, началъ передразнивать Ивана Ерофеича, развѣсилъ губы, заплакалъ. «Прощай, говоритъ, Мавра Агуревна! Прощай, голубушка ты моя! «Тутъ было Иванъ Ерофеичъ опять расхорохорился. Я, говоритъ, никого не боюсь; я, говоритъ, самъ себѣ господинъ. А потомъ знаете ли, какъ-то у него вдругъ это сдѣлается, и опять за свое.—И не останавливать, говорить, нашего брата нельзя; что-жъ, говорить, и сопьешься, и смотаешься, и ни на что не похоже. Вотъ они, говорить, у Иверскихъ-то воротъ стоятъ, посмотрите на нихъ. Не скоро разберешь: свинья или человѣкъ. А самъ, знаете ли, въ слезы. Даже жалко было смотрѣть на него. Насилу мы его уложили. И во снѣ-то все говорилъ: я чиновникъ, а не крѣпостной; а все больше Мавру Агуревну вспоминалъ. Такъ онъ у меня и остался; и субботу пробыли и воскресенье. Тосковалъ было немножко; да ужъ я все развлекалъ его какъ-нибудь. То въ карточки поиграемъ, то погулять пойдемъ. Въ воскресенье-то вечеромъ у насъ бѣда и случилась.

Иванъ Ерофеичъ лежалъ на диванѣ, а я сидѣлъ у окошка; вечеръ былъ чудесный, гдѣ-то вдали му-

Г. Дальскій—Незлобинъ.
(«Мужъ знаменитости»).

(Шаржъ).

зыка играла, началъ мѣсяцъ выходить; вотъ я и засмотрѣлся. А ужъ было поздно. Вдругъ слышу разговоръ у будки. А рядомъ съ нами была будка-съ. Будочникъ былъ хохоль, да такой чудакъ: что у него не спроси, ничего не знаетъ. Такая ужъ у него была и поговорка. «А какъ его знать, чего не знаешь», право, словно философъ какой, стоитъ на одномъ, что ничего не знаетъ, и знать ему нельзя; а если что и знаетъ, такъ ужъ это какъ-нибудь нечаянно. Бывало спросишь у него въ шутку: да какъ же ты, братецъ, 15 лѣтъ здѣсь стоишь, а ничего не знаешь? А онъ посмотритъ на тебя, да еще улыбнется; экой, дескать, ты баринъ, глупый; да какъ же его знать, чего не знаешь?

Вотъ я смотрю, что за разговоръ у будки. Вижу, женщина какая-то спрашиваетъ у будочника: гдѣ тутъ живетъ Иванъ Яковлевичъ?—А, дескать, это про меня, думаю я себѣ, послушаю, что дальше будетъ. У будочника одинъ отвѣтъ: та Богъ его знае, какъ его знать, чего не знаешь.—Чай, вѣдь видишь, говоритъ она ему, по утру въ присутствіе ходитъ. Мундиръ на немъ такой зеленый съ свѣтлыми пуговицами.—А какъ, говоритъ, его знать; много, говоритъ, ихъ тутъ въ мундирахъ ходитъ. Кто его знае! Скажи, говоритъ, кавалеръ, сдѣлай милость, развяжи ты меня, съ вечерень ищу, съ Зацѣпы шла.

Я вижу, что будочникъ будетъ говорить одно и то-же, крикнулъ ей изъ окошка: я, молъ, Иванъ Яковлевичъ, что вамъ угодно? Не прошло, сударь ты мой, одной минуты, какъ она очутилась у насъ въ комнатѣ. Я глядь, а это Мавра Агуревна. Иванъ Ерофеичъ такъ и обмеръ: ни живъ, ни мертвъ, безъ языка человекъ совсѣмъ. Такъ-то ты, начала она, за мою хлѣбъ соль, да за доброе сердце, со мной поступаешь. Ишь куда тебя нелегкая-то занесла, съ вечерень ищу; съ Зацѣпы шла! И полились у нея слезы въ три ручья. Иванъ Ерофеичъ хотѣлъ что то сказать, да языкъ у него не ворачался.—Скажи, говоритъ, варваръ, ты меня совсѣмъ что-ли покинуть хочешь? Такъ нѣтъ, говоритъ, не позволю, не дамъ себя въ обиду, что бы ты надо мной, надъ беззащитной вдовой, насмѣялся послѣ! Ты думалъ, говсрить, что ты дуру нашелъ! Нѣтъ, говоритъ, погоди, не на такую напалъ. Ты дешево со мной не раздѣлаешься. А хочешь ты, я, говорить, завтра къ вашему еноралу пойду? Что-жъ вы тутъ станете дѣлать; ужъ такая женщина была. Такъ и увела Ивана Ерофеича на Зацѣпу. Потомъ въ наказанье за побѣгъ, заставила его жениться на ней. Тутъ ужъ онъ совсѣмъ потерялся, сталъ пить запоемъ, дѣла запустилъ. За то Мавра Агуревна носъ подняла. Я, говоритъ, чиновница. У меня, говоритъ, мужъ благородный. Стала ходить въ чепчикахъ; у обѣдни даетъ мужу свой салопъ держать; денегъ Ивану Ерофеичу ужъ совсѣмъ не даетъ. Каждое первое число сама ходитъ въ судъ и стоитъ въ приемной, дожидается, чтобы, какъ получить Иванъ Ерофеичъ жалованье, тутъ же, не выпуская изъ суда и отобрать у него. Да къ несчастью, еще у нихъ дѣтей человека четыре. А Иванъ Ерофеичъ ужъ больно плохъ сталъ, крѣпко сталъ придерживаться къ пѣничку. Такъ вотъ, батюшка, вотъ и Иванъ Ерофеичъ тотъ самый, что ходитъ по Замоскворѣчью въ такой страшной шинели.

Примѣчаніе нашедшаго рукопись: такихъ шинелей осталось три за Москвой-рѣкой, одна у Ивана Ерофеича; другая у одного купца, который жилъ до 40 лѣтъ порядочно, т. е. по обычаю праотцевъ, а на 41 загулялъ. Обрилъ бороду, нашилъ себѣ моднаго въ то время платья, между которымъ и эту шинель, сталъ ѣздить въ театръ и проч.—Потомъ онъ опять остепенился, отростилъ бороду, и

ужъ лѣтъ десять живетъ опять мирно и чинно: о проступкѣ давно позабыли бы за Москвой-рѣкой, если бы не уличала его шинель, которую онъ носилъ. Третья шинель у баса какихъ-то Замоскворѣцкихъ пѣвчихъ.

Письма изъ Кіева.

XXVII.

Г. Бурдъ-Восходовъ. Слышали вы эту фамилію? Это авторъ 4-хъ актной драмы «Чѣмъ жить», поставленной г. Недѣлинымъ въ свои вторыя именины—на Онуфрія.

«Чѣмъ жить»—четыре длиннѣйшихъ акта, лишенные малѣйшаго признака сценическаго движенія, «песа» философско-обличительная; авторъ ея опровергнулъ прутковскій афоризмъ: объявляя необъятное. Смотри въ корень вещей, онъ попутно изобразилъ и вывелъ на свѣжую воду злоковенныхъ газетчиковъ, сильно, надо думать, огорчившихъ г. Бурдъ-Восходова. Фабула пьесы—проста и банальна. Это обыкновенная адюльтерная исторія замужней женщины, тяготящейся «долгомъ», при наличности, возвышеннаго якобы, влеченія къ «неужу», и обратная реакція ея «къ долгу» по реализованіи возвышенныхъ чувствъ въ соотвѣтственной формѣ. Но какъ ни истрепана подобная тема, и изъ нея можно сдѣлать интересную пьесу, если есть дарованіе. Да вотъ бѣда: дарованіи-то у г. Бурдъ-Восходова какъ будто не обнаруживается. За то большія претензіи на необыкновенное глубокомысліе. Не берусь даже комментировать необыкновенную философію г. Бурдъ-Восходова. Вчужѣ было жалъ актеровъ, которые въ потѣ лица дебатировали: о долгѣ и правѣ, альтруизмѣ и эгоизмѣ, о христіанскомъ смиреніи и нищенской дерзости и т. п. Со сцены неслись цѣлыя каскады звонкихъ фразъ, лишенныхъ простой логической обоснованности, въ которыхъ и авторъ и исполнители запутывались, какъ переселки въ охотничьей сѣти. Я думаю, что г. Недѣлинъ почувствовалъ истинное удовольствіе, когда авторъ, исчерпавшій очевидно весь запасъ элоквенціи, отпустилъ, наконецъ, душу на покаяніе, позволивъ Ахматову (герой пьесы) застрѣлиться, какъ говорятъ: «по неизвѣстнѣй причинамъ». Это былъ единственный способъ окончить пьесу, которая, словно запутавшійся клубокъ, потеряла конецъ, и не будь авторъ рѣшителенъ, какъ Александръ Македонскій, я не думаю, чтобы мнѣ пришлось писать это письмо. Я погибъ-бы отъ невыносимой духоты въ зрительной залѣ, отъ физическаго утомленія четырехъ-часовымъ сидѣніемъ, отъ непомѣрныхъ усилій уловить какую-нибудь связь въ той словесной «прѣ», которую г. Бурдъ-Восходовъ выдаетъ за рѣшеніе вопроса «чѣмъ жить»?

Черезъ день я смотрѣлъ въ народномъ домѣ «Отелло» Шекспира. Какая это изумительно прекрасная трагедія... Больше гармоническаго сочетанія внутренней мощи характеровъ съ красотой формъ, я рѣшительно не могу себѣ представить... Одна сцена на Кипрѣ со стороны развитія дѣйствія—недосягаемый идеалъ... А какая задача для режиссера! Сама жизнь, прекрасная, благоухающая, полная контрастовъ, является широкой волной на сценическіе полмостки; надо только дать ей просторъ, раздвинувъ немного кулисы и ея могучія краски оживятъ потускнѣвшее полотняное небо, окрасятъ пурпуромъ розы, нальютъ сокомъ поблекшіе листья аканта... Только раздвиньте кулисы!

Отелло игралъ г. Петровъ-Краевскій. Исполненіе отличалось большой неровностью. Тамъ, гдѣ г. Краевскій владѣлъ своимъ исполненіемъ, оно было красиво, отличалось хорошими подробностями, обличало старательное изученіе роли; тамъ же, гдѣ исполненіе захватывало и уносило актера помимо его воли въ пучину страстей, которыми такъ богата роль Мавра, чувствовалась полная безпомощность исполнителя справиться съ этимъ стихійнымъ процессомъ.

Въ общемъ, все-же было больше положительныхъ качествъ, чѣмъ недостатковъ. Со временемъ, когда г. Краевскій лучше уяснитъ общій планъ исполненія, роль эта будетъ одной изъ лучшихъ въ репертуарѣ этого, во всякомъ случаѣ, талантливаго артиста. Яго—г. Яковлевъ-Востоковъ ни одной стороной своего исполненія не отвѣчалъ характеру изображаемаго лица. Это былъ не тотъ «добрый малый», которому ничто не мѣшало оставаться въ то же время величайшимъ негодяемъ, а какой-то иезуитъ, переодѣтый въ костюмъ пуританина временъ Елизаветы... Нельзя было придумать нарочно болѣе неудачной трактовки этого лица, идущей въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ пьесы... Г. Яковлевъ-Востоковъ былъ совер-

шенной противоположностью г-жѣ Голодковой. Большаго совпаденія поэтического образа Дездемоны съ изображавшей ее актрисой, въ смыслѣ внѣшней сценической иллюзіи нельзя и требовать. Это былъ оживившій портретъ Тициана. Ея маленькая, гибкая, граціозная фигурка какъ разъ отвѣчала представленію о «хитрой венеціанской дѣвчонкѣ», какъ характеризуетъ Дездемону огорченный Отелло. Это нѣжное личико, срамленное бѣлокурыми локонами, небрежно схваченными на лбу фераньерой, съ темными глубокими глазами могло принадлежать ангелу, если за нимъ не скрывался бѣсъ... Бѣдный Отелло!.. «У нея былъ тихій, нѣжный голосъ, большая прелесть въ женщинѣ», говоритъ Лиръ о Корделии.. У г-жи Голодковой тоже тихій нѣжный голосъ, и это большое несчастіе для актрисы, вынужденной насыловать его естественныя свойства, чтобы быть услышанной въ зрительной залѣ, не отличающейся особенно хорошей акустикой. Обставлена пьеса вполне удовлетворительно, но обладая средствами «народнаго дома», можно было-бы поставить ее несравненно лучше. Мелкое самолюбіе актеровъ, заставляющее ихъ избѣгать маленькихъ и безсловесныхъ ролей, вынуждаетъ режиссеру прибѣгать къ статистамъ, людямъ большою частью совершенно неопытнымъ и непригоднымъ, а съ такимъ матеріаломъ режиссеръ, будь онъ хоть геній, ровно ничего не подѣлаетъ. Они двигаются по сценѣ, какъ заведенные автоматы и ихъ жалкій потерянный видъ способенъ убить всякую иллюзію. А какъ-бы могли ставиться и идти пьесы съ такой огромной и талантливой труппой, будь у г. артистовъ шире, просвѣщеннѣе взгляды на свои профессиональныя обязанности*).

Н. Николаевъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Зимній сезонъ въ «Асмоловскомъ» театрѣ законченъ постановкой «На днѣ». Пьеса была поставлена четыре раза подрядъ и прошла при переполненномъ театрѣ. Не смотря на прекрасную постановку и ансамбль,—пьеса не имѣла «московского» успѣха. Всѣ эти «сцены изъ жизни», «картины», «будничные эпизоды», не производятъ сильнаго впечатлѣнія на публику, которая воспитана на пьесахъ интриги, дѣйствія, динамики, а не статики. Изъ другихъ новинокъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ отмѣтимъ пьесу «Внѣ жизни» (шла въ бенефисъ В. Ю. Вадимова). Этотъ публицистическій фельетонъ, передѣланный въ пьесу, пришелъ по вкусу публикѣ. Успѣхъ имѣла «Монна Ванна» съ г-жей Лерминой въ заглавной роли. «Флорія-Тоска», поставленная въ бенефисъ той же артистки, успѣха не имѣла. Граціозная пьеса, переведенная звучными стихами г. Лоло, «Фея-Капризъ», имѣла большою успѣхъ; ее выбрала для своего третьяго (I) бенефиса г-жа Карелина-Раичъ. Понравилась публикѣ и новая пьеса А. С. Суворина «Царь Дмитрій Самозванецъ и Царевна Ксения», шедшая въ бенефисъ администратора труппа Б. I. Камнева. Кстати, отмѣтимъ перепроизводство бенефисовъ, вызвавшее вполне законное неудовольствіе публики. Кромѣ Карелиной-Раичъ, третій бенефисъ получилъ г. Степановъ (возобновлено «Дѣло» Сухово-Кобылина, успѣха не имѣвшее и вскорѣ сланное въ архивъ) и Орловъ-Чужбининъ («Флиртъ и одинъ актъ изъ «Романтиковъ»). Бенефисы получили и вторые персонажи обоего пола (каждый отдѣльно); былъ и соединенный бенефисъ второстепенныхъ актрис г-жъ Пахильской и Дмитревской и симпатичной актрисы, игравшей не безъ успѣха отвѣтственныя роли,—г-жи Михайловской.

Въ Нахичевани давались то драматическіе, то опереточные спектакли. Тѣ и другіе сборовъ не дѣлали, хотя надо знать, что оперетка больше пришлась по вкусу мѣстной публикѣ. Поэтому намъ становятся непонятнымъ тѣ чересчуръ высокія требованія, какія предъявляетъ нахичеванское городское управленіе къ г. Крылову (дѣло дошло до требованія съ него неустойки). Правда, г. Крыловъ обставлялъ драматическіе спектакли спуска рукава, но что прикажете дѣлать, ежели публику приходится чуть-ли не насильно тащить въ злосчастный театръ? Надо думать, что въ будущемъ году г. Крыловъ, не боясь конкуренціи, ограничится Ростовомъ и Новочеркасскомъ.

Отмѣтимъ и исключительную новинку. Впервые, за 18 лѣтъ существованія зимняго театра въ Ростовѣ,—у насъ стали давать «Народные спектакли». Первый опытъ оказался успѣшнымъ. «Сѣрая» публика переполнила театръ. Шли «Бѣдность не порокъ», «Безъ вины виноватые» и «Псковитянка». Народные спектакли искупаютъ всѣ волные и невольные прегрѣшенія гг. Крылова и Ивановскаго.

Будущій сезонъ (зимній) обѣщаетъ много новаго. Здѣшній театръ-сарай г-жи Мамонкиной будетъ скрытъ до основанія (теперь здѣсь довольно плохо играетъ харьковское те-

варищество малорусскихъ артистовъ и гастролируетъ Л. Я. Манько) и на его мѣстѣ будетъ воздвигнутъ огромный (на 2000 мѣстъ) каменный театръ-циркъ: въ городской ротондѣ намѣрено ставить спектакли (зимомъ) артистическое общество; предполагаютъ строить театръ въ городскомъ саду и устроить сцену въ домѣ мѣшанскаго общества. Не знаю, что изъ всего этого выйдеть, но можно опасаться, что обиліе театровъ вызоветъ пониженіе уровня исполненія.

С. Вадимъ.

МИНСКЪ. Минувшій театральнй сезонъ окончился у насъ довольно плачевно: дутая антреприза г-жи Кнауфъ-Каминской, явившейся въ Минскъ съ оперной группой изъ Витебска, торжественно провалилась, оставивъ артистовъ безъ работы въ самый разгаръ сезона. А труппа была вполне удовлетворительна для провинціи: г-жи Муранская и Шау, гг. Дарскій, Рышковъ составляли весьма недурной ансамбль; если и были недостатки, то единственно въ хорѣ,—но недостатки эти присущи каждой провинціальной оперѣ. Въ Витебскѣ и въ Минскѣ въ началѣ труппа дѣлала прекрасные сборы, казалось заработокъ былъ обезпеченъ, а между тѣмъ неожиданно разразился крахъ. Артисты пѣли ежедневно, а денегъ не получали, и наконецъ, возмутились и стали требовать, что имъ причиталось. Антрепренерша уклоняется, мотивируя слабыми сборами, артисты отрицаютъ это, указывая на то, что за праздники въ кассу поступило до 8,000 р., а расходовъ было всего 4,000 р. Въ концѣ концовъ, пререканія кончатся въ камерѣ городского судьи, который одному изъ обиженныхъ выдалъ исполнительный листъ, и на кассу былъ наложенъ арестъ. Нѣкоторые изъ болѣе бойкихъ успѣли получить все, что имъ слѣдовало по 16 февраля и благозарумно покинули Минскъ (такихъ счастливицъ оказалось всего трое) а остальные сѣли на мель. Образовали товарищество, дѣло было налажено: за отчисленіемъ всѣхъ расходовъ (въ томъ числѣ и г-жи Кнауфъ-Каминской 15 рублей за вечеръ, какъ хозяйки театра) въ пользу товарищества оставалось 15—20 р., но всѣ были рады и этому, возлагая надежды на масляницу, но, увы! надеждамъ не суждено было сбыться. Взбунтовался оркестръ, предлагая къ кассѣ чрезвычайныя требованія и отказался отъ дальнѣйшаго участія. Назначенный въ роковой вечеръ «Тангейзеръ» былъ отмѣненъ, несмотря на то, что сборъ доходилъ до 500 р.,—денеги возвращены публикѣ, а опера покончила свое существованіе. У бѣдной труппы осталась надежда на залогъ, кинулись въ дирекцію,—залогъ оказался около 200 руб. (вмѣсто требуемыхъ 2000 р.), которые, конечно, не въ состояніи удовлетворить и десятой части кредиторовъ. Оригинальнѣе всего, что г-жа Кнауфъ-Каминская во время минскаго краха ухитрилась снять театръ въ Вильнѣ, предлагая всѣмъ артистамъ перебраться съ нею туда и обѣщая заплатить все къ Пасхѣ,—обѣщаніямъ не повѣрили и новая антреприза не состоялась. Обыкновенно говорятъ: Минскъ не можетъ выдержать оперы въ теченіе сезона. Это совершенно не вѣрно: сборы 350—420 р. въ среднемъ при шести спектакляхъ въ недѣлю вполне обезпечиваютъ труппу, а нѣкоторыя оперы давали и болѣе сборъ.

На смѣну оперы въ Минскѣ явилась оперетка (антреприза Борисова). Въ анонсахъ значится: «цѣны мѣстамъ оперныя!»

Не мало надѣлала у насъ шуму неудавшаяся афера нѣкоего Амурина (Бавштейнъ тожъ), явившагося въ Минскъ въ качествѣ представителя Вальцевой и Сѣверскаго, якобы намѣревающагося дать концертъ въ Минскѣ. Амуринъ исчезъ изъ Минска. Цѣны были имъ поставлены 10 руб. первый рядъ и 2 р. 60 к. послѣдній. Въ общемъ, до 1,500 руб.

ОДЕССА. Интересомъ послѣднихъ постановокъ была новая опера Джіордано «Федора» или «Ненависть и любовь». Опера эта интриговала театральную публику не только, какъ новое музыкальное произведеніе, но еще и потому, что она была окружена нѣкоторою таинственностью: она не разрѣшена къ постановкѣ въ столицѣ; мѣсто дѣйствія въ первомъ актѣ перенесено изъ Петербурга въ Аграмъ; русскія лица и фамиліи замѣнены славянскими и т. д. Но все это могло быть интересно до постановки оперы. Когда же «событіе» совершилось, то оказалось, что было много шума изъ-за пустяковъ. Какъ музыкальное произведеніе, опера очень слаба и «навѣяна» многими старыми композиторами. Есть же въ ней и часть «русская», гдѣ авторъ задумалъ поварьировать русскую народную музыку. Результатъ получился очень алиповатый. Такъ, напримеръ, *французскій* атташе распѣваетъ романсъ на мотивъ альявскаго «Соловья». Гости въ парижскомъ salon'ѣ Федоры танцуютъ на мотивъ «камаринской».

Въ Одессѣ прибавились двѣ очень изящныя сцены: одна въ клубѣ «Уніонъ» (общ. приказчиковъ-евреевъ) и другая въ клубѣ «Гармонія» (нѣмецкомъ). Первый построенъ въ стилѣ «ренессансъ» и очень богато отдѣланъ,—второй въ стилѣ «modern», разработанномъ на почвѣ стіля романскаго. Въ послѣднемъ въ настоящее время подвизается нѣмецкая драматическая труппа съ Freulein Neumann во главѣ артистическихъ силъ и подъ антрепризою г. Егера. Дѣла труппы не важны, даже плохи, несмотря на то, что передъ открытіемъ спектаклей одинъ изъ артистовъ обратился къ «verehrthen Publicum» съ нѣсколькими теплыми словами на почвѣ друже-

*) Кромѣ самолюбія здѣсь еще несомнѣнно играетъ боязнь потерять рыночную цѣну.

скихъ отношеній между Россіей и Германіей. Успѣха труппа не имѣетъ, такъ какъ выступаетъ главнымъ образомъ въ зудермановскихъ пьесахъ, которыя и нѣмецкая публика видѣла уже много разъ въ превосходномъ исполненіи русскихъ артистовъ.

ОМСКЪ. Сезонъ близится къ концу. Сичкаревскій сарай, настоячиво именуемый себя театромъ, опустѣлъ и снова омскій обыватель, «едва лишь стемнѣетъ немножко», станетъ закупоривать свои окна, «дуть» водку и «рѣзаться» въ карты.

Добрую память оставитъ по себѣ труппа г. Кравченко. Г. Кравченко не пожалѣлъ средствъ, не побоялся риска, собравъ весьма недурную труппу Г-жи Терехова, Киселева, гг. Вольскій, Печоринъ-Цандеръ, Платоновъ (въ половинѣ сезона уѣхавшій) и др. испытанныя силы провинціальной сцены. Г. Кравченко пополнился, однако. Дѣла театра шли дурно. Дорогая труппа оказалась не по карману омицамъ, а тутъ еще явился конкурентъ въ лицѣ цирка г. Строкая. Циркъ—довольно жалкій, но все-таки онъ въ значительной степени отвлекъ стъ театра посѣтителей галерки. Въ Омскѣ, кромѣ театра, нѣтъ ничего другого, гдѣ бы эта публика могла получать разумныя развлечения. Нѣтъ ни народнаго дома, ни народныхъ читаленъ. И наши «отцы города» совершили непростительный грѣхъ, допустивъ на ряду съ театромъ существованіе цирка. Не предпринимаемая сами рѣшительно ничего для культурнаго подъема неимущихъ классовъ, они ставятъ препятствія въ этомъ направленіи частной инициативѣ допущеніемъ такихъ уродливыхъ балагановъ, какъ циркъ Строкая, спекулирующихъ лишь на животныя инстинкты толпы. Впрочемъ, для доброй половины гласныхъ, живущихъ по «Домострою», возможно, что театръ грѣховная, бѣсовская потѣха. Да въдъ наши «ученые» медикусы доказывали публицику вредъ театра. Можно-ли послѣ этого обращаться съ порицаніемъ къ простымъ, неученымъ людемъ? Кромѣ г-жъ Тереховой и Киселевой и безъ успѣха выступали молодая артистка Кравченко, Волская и Остроградская. Изъ мужского персонала успѣхъ имѣли гг. Вольскій, Печоринъ-Цандеръ, Платоновъ, Правдинъ и Ланко-Петровскій.

КАЛУГА. Не многіе изъ антрепренеровъ уходили отсюда безъ прогара. Эти немногіе были—покойный Разказовъ и Павловъ. Даже Е. О. Боуръ, державшій здѣсь драматическую труппу въ прошлую зиму, что называется, едва уволокъ ноги. И это для Калуги считалось «блестящимъ» сезономъ. Въ нынѣшнемъ году здѣсь подвизается, мыкая горе, Е. П. Добротини со своей опереточной труппой. По расчету слѣдуетъ выбрать за сезонъ 35,000 руб., чтобы свести концы съ концами. Уже въ первую половину сезона дѣла шли не важно. Чтобы увеличить сборы ставились даже нѣкоторыя оперы («Карменъ», «Демонъ», «Евгеній Онѣгинъ» и др.) при участіи приглашавшихся оперныхъ силъ. Но и это дѣлу не помогло. Г-жа Добротини рассчитывалась со всѣми аккуратно. Тѣмъ не менѣе комикъ-буффъ Богдановъ во второй половинѣ ноября сбѣжалъ изъ труппы къ г. Шульцу, прельстившись надбавкой. Сотоварищи было успѣли вернуть его со станціи и, усвоившись, вызвали было слезы раскаянія предъ г-жей Добротини, но чрезъ нѣсколько дней онъ все же бѣжалъ, и безвозвратно. За праздники матеріальный успѣхъ значительно поднялся, но съ окончаніемъ ихъ снова началась старая исторія. Г-жа Добротини напярля послѣднія силы и пригласила изъ Москвы комика Звягинцева, а изъ Петербурга г-жу Звѣздичъ (М. Э.) Звягинцевъ прибылъ и уже играетъ, но съ г-жей Звѣздичъ у г-жи Добротини вышла исторія. Заручившись отъ г-жи Звѣздичъ согласіемъ на ангажементъ до Великаго поста, г-жа Добротини поспѣшила выслать ей въ Петербургъ переводомъ по телеграфу (10 января) авансомъ 125 р. на переѣздъ, съ тѣмъ, чтобы та обязательно прибыла въ Калугу 14 января и на другой день, какъ было условлено, выступила въ «Гейшѣ». Но Звѣздичъ въ назначенный день не явилась. На посланную на другой день (15 января) срочную депешу изъ Петербурга послѣдовалъ служебный отвѣтъ, что г-жа Звѣздичъ уже выѣхала изъ Петербурга. Въ два часа дня были выпущены афиши съ именемъ г-жи Звѣздичъ, но за два часа до начала спектакля г-жа Добротини получила отъ Звѣздичъ премилое письмо, въ которомъ наивно извиняется въ невольномъ будто-бы причиненной ею несправности, такъ какъ вмѣсто Калуги ѣдетъ въ Кіевъ, къ г. Новикову, съ которымъ у нея будто-бы еще въ началѣ декабря былъ подписанъ контрактъ, при чемъ обѣщаетъ авансъ (очевидно понадобившійся ей на дорогѣ) возвратитъ по приѣздѣ въ Кіевъ. Какъ могло случиться, что г-жа Звѣздичъ, имѣя уже давно подписанный контрактъ съ г. Новиковымъ, заключила условіе съ г-жей Добротини и вдобавокъ взяла отъ нея авансъ—остается для насъ непонятнымъ. Г-жа Добротини намѣрена, какъ мы слышали, привлечь г-жу Звѣздичъ къ отвѣтственности.

Н. П. Альфа.

ВЛАДИМІРЪ. Настоящимъ сезономъ закончивается полувѣковое существованіе городского театра. Съ весны приступитъ къ постройкѣ общедоступнаго театра, съ аудиторіей на 1000 мѣстъ, который будетъ въ вѣдѣніи попечительства о народной тревости. Къ концу сезона намѣченный репертуаръ по болѣзни г. Рудина, а также за выходомъ г. Яновскаго изъ

труппы пришлось измѣнить. За небольшимъ исключеніемъ ставились одни лишь фарсы и мелодрамы. Дѣйствительно здѣсь было все: «и черти и цвѣты...» исключеніе составляетъ пьеса «Сказка» Артура Шницлера поставленная 12 февр. въ бенефисъ г-жи Весновской, который не могъ не вызвать неудовольствія среди публики собравшейся слушать пьесу, а не неумѣстныя оваціи по адресу бенефициантки. При поднятій занавѣса, едва подана была первая реплика, какъ вмѣсто отвѣта изъ-за кулисъ вышли два лица изъ публики съ привѣтственнымъ адресомъ отъ «группы» почитателей таланта бенефициантки. Прочитавъ и вручивъ папку представители «группы» галантно раскланявшись удалились, и дѣйствіе продолжалось. Затѣмъ во время хода дѣйствія бенефициантку встрѣчали несвоевременно подношенія, что нарушало иллюзію. Однимъ изъ неудачныхъ въ этомъ отношеніи, былъ прошальный спектакль. Были поставлены «Мнимый больной» и «Откуда сыръ боръ загорѣлся». Доживающій свои послѣдніе дни, нашъ дѣйствительно больной театръ не выдержалъ и какъ говорятъ, отъ стыда загорѣлся. Къ счастью встревоженную публику скоро удалось успокоить, огонь локализовать и дотянуть спектакль до конца. Вообще конецъ сезона чреватъ приключеніями... Передъ масляной недѣлей вышелъ изъ состава труппы одинъ изъ полезнѣйшихъ членовъ ея артистъ г. Яновскій. Такой несвоевременный уходъ артиста представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что г. Яновскій дослуживалъ четвертый сезонъ (два лѣтнихъ и два зимнихъ) въ труппѣ г. Бурлакова. Сезонъ антрепризы законченъ дефицитомъ въ 1,000 р. Изъ исполнителей вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ въ теченіи сезона пользовались: г-жа Ларина, гг. Яновскій и Соколовскій, а также г-жа Весновская въ бытовыхъ роляхъ, ничего подобнаго не можемъ сказать о роляхъ салоннаго репертуара въ которыхъ артисткѣ много вредитъ ея фальшивый тонъ.

S. S.

БАЛАНОВО (Самарской губ.). Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ въ нашемъ селѣ начались и ведутся любительскіе спектакли, т. е. собственно организованнаго - то кружка нѣтъ, но ежегодно устраивается по нѣскольку спектаклей, и нужно сказать, что они всегда пользовались большими симпатіями публики. Въ числѣ мѣстныхъ любителей имѣлись солидная сила, и репертуаръ велся хорошей. Достаточно сказать, что у насъ по нѣскольку разъ шли такія извѣстныя пьесы, какъ напр. «Безъ вины виноватые», «Цѣпи», «Женитьба Бѣлугина», «Соколы и вороны» и т. п. Все это, впрочемъ, относится къ области болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго. Изъ числа опытныхъ любителей, одни устарѣли и благоразумно вышли въ отставку, другимъ надоѣло работать, а новыхъ, свѣжихъ силъ не появилось, дѣло и пошло подъ гору. Послѣдніе два спектакля сезона какъ нельзя болѣе насъ въ этомъ убѣдили. 12 января, напр., былъ поставленъ распорядительницей кружка грубый фрскъ Мясницкаго «Домашній Столъ», исполненный, благодаря участію новыхъ и совершенно неспособныхъ, любителей, крайне вяло и неинтересно, а данный въ заключеніи дивертисментъ доказалъ, что смѣлости хоть отбавляй! Еще неудачнѣе былъ послѣдній спектакль: любители поставили никому вѣроятно невѣдомый шаржъ Амфитеатрова «Быть бычку на веревочкѣ», или во всѣхъ отношеніяхъ неудачнѣйшій 2-актный водевиль Шпажинскаго «Приступомъ». Даровитѣе любителямъ, какъ напр. С. С. Кудряшовъ, или К. В. Кюбзаръ, приходилось ломаться въ глупѣйшихъ роляхъ, а появленіе очень способнаго комика г. Якимова въ чистѣйшей роли фата (Слетовъ въ вод. «Приступомъ») вызывало уже и не сожалѣнія, а прямо недоуміе. Хорошо, впрочемъ, былъ сыгранъ третій водевиль «Шекотливое порученіе». Г-жа Максимова, очевидно, не дала себѣ труда выбрать получше пьесы. Конечно, не правы и сами г. любители, съ такимъ легкимъ сердцемъ соглашающіеся играть что прикажетъ распорядительница. Со стороны-то это обстоятельство всѣмъ покажется навѣрное даже непонятнымъ, но намъ-то на мѣстѣ все это очень ясно и объяснимо. Г-жа Максимова весьма своенравна. Два года назадъ она воевала съ мѣстными любителями изъ-за театральнаго бібліотеки, которую она держала у себя и не соглашалась отдать ее туда, куда настаивали остальные любители. Въ результатѣ вышла цѣлая скандальная исторія, увѣковѣченная своевременно даже на страницахъ «Будильника». Между г-жей Максимовой и любителями произошелъ разрывъ, и она опочила отъ дѣлъ общественныхъ и сошла со сцены. Но вотъ прошло два года, она очевидно соскучилась отъ бездѣятельности, а любители наши забыли обиду.

Искренній совѣтъ г-жѣ Максимовой, для пользы дѣла снова копчить отъ дѣлъ...

Старонина.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

Разрѣшено СДВ. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общихъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

Мыло ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ

ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ЛИЦА. Кусокъ 30 коп.

Желающимъ получить настоящее вазелиновое мыло необходимо спрашивать только мыло Голлендеръ вазелинового туалетное. Продажа по всѣмъ городамъ Имперіи—въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ. Торговый домъ „Парфюмерная Лабораторія Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ“. С.-Петербургъ, Развѣзжая ул. № 13.

Репертуаръ театровъ СПб. Гор. Попеч. о нар. трезвости. Народный домъ Императора Николая II.

Репертуаръ съ 23-го Февраля до 3-го Марта.

Въ Воскресенье, 23-го Февраля: въ 8 час. вечера въ 1 разъ, имѣть быть сообщеніе **Б. С. Звягина**, бывшаго Уполномоченнаго Россійскаго Общества Краснаго Креста на театрѣ войны Италіи съ Абиссиніею „**О СТРАНЪ ЧЕРНЫХЪ ХРИСТІАНЪ АБИССИНІИ И АБИССИНЦЫ**“, съ свѣтовыми картинами. Цѣны мѣстамъ на этъ вечеръ отъ 10 до 50 коп. (съ благотв. сбор.).—Въ Понедѣльникъ, 24-го: въ 37 разъ „**1812 годъ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА**“, соч. В. Крылова.—Во Вторникъ, 25-го: оперный спектакль: „**КНЯЗЬ ИГОРЬ**“.—Въ Среду, 26-го: „**СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ**“ (Мученица).—Въ Четвергъ, 27-го: оперный спектакль „**РОГНѢДА**“.—Въ Пятницу, 28-го: въ 38 разъ „**1812 годъ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА**“.—Въ Субботу, 1-го Марта, Музыки и увеселеній не будетъ.—Въ Среду, 5-го Марта, первое представленіе большой обстановочной пьесы „**ГОСУДАРЬ-ЦАРЬ ІОАННЪ III ВАСИЛЬВИЧЪ**“, трагедія въ 5 д. и 10 карт. въ стихахъ, соч. А. А. Навроцкаго (Н. А. Вроцкій). Пьеса удостоена **ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ почетнаго отзыва** имени А. С. Пушкина въ 1901 году.

ТЕАТРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (б. Стеклян. зав.).

Въ Воскресенье, 23-го Февраля: въ 8 ч. вечера Народное чтеніе съ свѣтовыми картинами; „**КОЛОКОЛЬ СВЯТАГО ДУХА**“. На этъ вечеръ мѣста въ театрѣ 20, 10 и 5 коп. (съ благ. сбор.).—Въ Воскресенье, 28-го „**ОБИЖЕННЫЕ И УГНЕТЕННЫЕ**“.

Въ Петровскомъ Паркѣ по праздникамъ бесплатныя народныя гулянья
Вр. зав. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„Толось Крови“

п. въ 4 л. (премир. на конкурсѣ Лит.-Худ. театра въ СПб.).

О. ДЫМОВА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

СВОБОДЕНЪ

на лѣтній и зимній сезоны
СУФЛЕРЪ.

Адресъ: Старая Русса,
Пятницкая ул., д. Маркова,
Старову.

Вышла изъ печати

„ПРОШЛОЕ“

комедія въ 4 д. Порто-Риша, пер.
Н. Г. Ц. 2 р.

Получать можно въ конторѣ журн.
„Театръ и Искусство“.

Большой Залъ Консерваторіи. Итальянская опера.

На спектакли съ уч. г. Собилова 24-го и 28-го февраля билеты всѣ проданы. Въ Субботу, 1-го марта, въ 8 ч. в., внѣ абонементъ „**РИГОЛЕТТО**“ (Г-жа Тетрачини, гг. Басси, Джиральдони, Аримонди и др.). Въ понедѣльникъ, 3-го марта, въ 8 ч. в., 10-й спектакль 1-го абонементъ, третій выходъ г. Собилова. „**ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ**“. Билеты въ касъ дирекціи (Б. Морская, 13) съ 10 ч. утра до 5 ч. дня

Fabrique de Postiches JEAN coiffeur de Dames Professeure de l'école Parisienne Brèveté.

Gr. Morskaja, № 5.

5640 Téléphone 3446. 26—1

ВСЕ НУЖНОЕ ДЛЯ ГРИМА

фабрика: Мотрона („Parfumerie des artistes“), Лейжнера, Дорена и др.

въ Центральной парфюмеріи Б. Борель
СПб. Владимирская, 3, близъ Палкина.

5927. Поставщикъ театровъ. 5—1

♦ Гг. артистамъ скидка. ♦

№ 4711

О-де-ли

Eau de Lys

БЛАГО, РОЗОВАГО И ЖЕЛТАГО ЦВѢТОВЪ;
всѣми признанное превосходное туалетное средство для мытья лица, для сохраненія свѣжести, молодости и для устраненія веснушекъ и всѣхъ нечистотъ лица.

Ферд. Мюльгенсъ
КЕЛЬНЪ на РЕЙНЪ и РИГА.

Поставщикъ Двора Его Императорск. Величест.

Театръ-концертъ „АЛКАЗАРЪ“.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1968.

Е Ж Е Д Н Е В Н О

Грандіозный обновленный дивертиссементъ „Калейдоскопъ“.

Дебютъ франц. Gompone m-le Гр. La belle Альфери, m-le Лулы, Парни, поразительныхъ танцоровъ Лере, LA JOLIE Замора, m-le Радомской, La belle Лиси Кичи, Лили Бартокъ, Три Бексфи, вѣнск. куп. г. Войцеховскаго, г-жа Мальцовой, трио Вруччичи, Анна Вене, г-на Александрова, квартетъ Калай „САФОНЪ“, хора г-жи Болонкиной, мажорусской группы г-жи Яковлевой, оркестръ г. Штейнбрехера.

Вновь выстроенный и роскошно отделанный

ТЕАТРЪ ПАССАЖА

С-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій 48, Итальянская 19,

сдается на великій постъ, лѣтній и зимній сезоны, полный сборъ драма—1400 р., оперетка болѣе 2000 р. На лѣтній сезонъ къ театру приграничивается большой выставочный залъ, дл. 30 саж., со входомъ съ Невскаго пр. Электрич. освѣщ. лучшаго устройства.

Подр. усл. адр. Контора Пассажа.

№ 5926

1-1

г. КУРСКЪ

Зимній театръ И. В. Погуляева сдается съ 24-го февраля по 15 е сентября съ отопленіемъ, электрическимъ освѣщеніемъ и прислужкой на сценѣ. 6—2

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ г. Двиискѣ, Витебской губерніи, продается театръ, съ наличнымъ инвентаремъ и съ собственною землею. Подробности С.-Петербургъ, Фонтанка, 169, кв. 4. Владимиръ Васильевичъ Трейтеръ.

5918

2-2

Лучшій другъ желудка.

5805

Вино Сень-Рафаэль

предлагается какъ тоническое, укрѣпляющее и способствующее пищеваренію.

БРОШЮРА О

Сень-Рафаэльскомъ винѣ какъ о питательномъ, укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ

д-ра де-БАРРЕ
высылаются по востребованію.

Оно превосходно на вкусъ
Compagnie du vin Saint-Raphael.

Valence, Drome, France.

10-4

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

КІЕВСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

объявляетъ, что въ присутствіи ея назначены 3-го Марта сего года съ 12 часовъ дня торги, съ переторжкой черезъ три дня, на сдачу въ шестилѣтнее арендное содержаніе Городскаго сада „Шато де Флеръ“ при условіи недопущенія въ немъ развлеченій кафе-шантаннаго характера. Торги начнутся съ арендной платы 10,000 руб. въ годъ, залогъ въ размѣрѣ полугодовой оброчной платы, расходъ по страхованію зданій на счетъ арендатора. Кондиціи можно разсматривать въ Концеляріи Городской Управы ежедневно, кромѣ неприсутственныхъ дней съ 25-го сего Февраля отъ 10 до 3-хъ час. дня.

5925

2-1

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ
лучшихъ домовъ Парижа

М^{ме} ВЕЛЛИНЪ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ.

Владимірскій просп., д. № 3,
5613 кв. 10. 52—21

Оперной, опереточной
или русско-малороссійской труппамъ

предлагается Старорусскій лѣтній театръ на время отъ 25 Мая по 1-е Юля. Электрическое освѣщеніе, большой выборъ декораций, оркестръ на очень льготныхъ условіяхъ. Полный сборъ по опереточнымъ цѣнамъ около 700 рублей. Съ предложеніями адресоваться: СПБ., Контора журн. „Театръ и Искусство“. Моховая, 45.

Симферопольская Городская Управа

объявляетъ, что Симферопольскій лѣтній театръ, съ отдѣленіемъ сада, свободенъ съ 11 мая с. г.; по 10-е же мая занять драматическою труппою Т-ва Кіевскаго театра „Соловцовъ“.

За подробными условіями просить обращаться въ
5919 Городскую Управу. 4—3

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ цѣль кашля

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадонн, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается всадъ.

5611

13—11

г. ХАРЬКОВЪ.

Вновь открытый Харьковскій Малый театръ.

Свободенъ отъ антрепризы, предлагается для разовыхъ вечеровъ гастрольнымъ труппамъ и концертантамъ. Адресъ: г. Харьковъ, Малый театръ управляющему Г-ну Якушову.

5922

2-2